

Николай Побережник

В ГОСТИ К МЁРТВЫМ

Николай Побережник

В гости к мертвым

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Долгожданный отпуск и поездка в город детства, совпали с последними днями мира живых... Модифицированный вирус вырвался на свободу, замещая популяцию людей на популяцию зомби. И пришло время мертвых. Теперь не получится отдохнуть, а тем более вернуться домой. Теперь у Влада одна цель – выжить и не стать едой.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	86
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Николай Побережник

В гости к мертвым

Данная книга является фанфиком на цикл «Эпоха мертвых» А. Круза.

* * *

Глава первая

Оренбург. 20 марта 2007 год.

Шасси Боинга незаметно и неощутимо для пассажиров коснулись взлетно-посадочной полосы, шум турбин стих, потом включился реверс и самолет начал тормозить.

– Вот видите, все хорошо, – стюардесса чуть наклонилась к сидящей в соседнем ряду бабушке. Милая старушенция слегка перенервничала в процессе полета из-за соседа, которому стало плохо с сердцем.

Эта фраза окончательно меня разбудила, и я открыл глаза. Приятно... Приятно посмотреть на такие формы, а тем более с такого ракурса. Вспомнились фразы из песни о стюардессе Жанне, и я невольно улыбнулся.

– Кх-м, – громко кашлянула сидящая рядом со мной женщина возрастом далеко за пятьдесят, но с макияжем тинэйджера, и посмотрела на меня как Ленин на буржуазию.

– Что? – повернулся я к ней.

– По меньшей мере, это просто не прилично!

– Что не прилично?

– Так пялиться! – громко «шептала» она, стараясь, чтобы все слышали.

– Что вы, – развернулся к нам сидящий впереди веселый дедок, эдакий балагур, который весь полет развлекал двух студенток байками и шутками, – вот если бы этот молодой

человек на вас пялился, тогда да, было бы не прилично. А здесь есть, на что посмотреть и отблагодарить природу и родителей этой замечательной девушки. Правда, Ксюшенька?

Студенки в голос рассмеялись, моя соседка, недовольно хмыкнув, начала копаться в сумочке, а стюардесса по имени... Ксения мило улыбнулась и ответила:

– Конечно, хорошо выглядеть – это часть нашей работы.

– Вот! – старик заулыбался подтверждению своих слов.

А бабушка, которую успокаивала стюардесса, наклонилась к своему соседу и что-то сказала ему, наверное, хотела сообщить, что прилетели.

– Господи! – подскочила она, – Да он же синий! Он же еще полчаса назад дышал!

«Ну вот, – подумал я, – сейчас начнётся. Так, хватаю сумку и к выходу...»

Народ загомонил, стюардессы кинулись осуществлять реанимационные, но уже, похоже, бесполезные действия. На выход, на выход... хорошо, что сумка с собой небольшая, пуховик под мышку...

– Вы куда? – встретила меня у двери еще одна «Барби» из Orenair.

– Так на выход, сейчас же начнётся, сами понимаете... «Скорая» и прочее.

– Ничего не начнётся, – заглянула она в салон, и, увидев, как ее коллеги накрыли пледом несчастного, сказала, – он уже умер, судя по всему.

– О, вот и трап подали...

Уговорив «Барби» меня пропустить, я потопал по полю к зданию аэропорта, не став дожидаться автобуса-аквариума. Навстречу ехала машина «скорой». Я остановился и, провозжая машину глазами, одел пуховик. Со стороны самолета кто-то начал кричать... Да уж, нервишки у людей ни в дугу, лежит себе труп, никого не трогает, чего орать-то? Но крики продолжались, и я обратил внимание, что через поле мчится «форд» службы безопасности аэропорта... Так, ладно, надо поторопиться, а то какая-то ерунда с моим рейсом.

– Такси... Такси не дорого, – бормотали назойливые бомбилы у выхода из здания аэропорта.

– Спасибо, не надо, – отвечал я, зная, что меня встречают.

Сашка, мой одноклассник, с которым мы не виделись уже лет пятнадцать. У него сегодня день рождения и, так совпало, что и десятилетний юбилей свадьбы в придачу. А у меня в кои-то веки получилось вырваться в отпуск и прилететь не только к нему, а еще и просто посмотреть на город детства и юности, который я покинул в 18 лет, отправившись служить, а потом завертелось...

– Влад! Не изменился же совсем! – раскинув для объятий руки, ко мне двигался увеличившийся раза в три Сашка, с проявляющейся уже лысиной, пузом, очками... Стал похож на своего отца, но все тот же друг Сашка, та же мимика, та же улыбка.

– Привет, дружище! – мы крепко обнялись, похлопав друг

друга по спинам.

– Ну пошли, я с утра баньку затопил, как с дежурства пришел.

Подошли к парковке, приветливо пикинула сигнализация «Субару».

– Ну? На таких же у вас там ездят?

– Нет, – помотал я головой, – у тебя руль неправильный, у нас «праворукие» в основном.

– Ну да, адаптированная модель, я ее из салона брал, который недавно открыли здесь.

От аэропорта до коттеджного поселка, где уже несколько лет живет Сашка, ехать не далеко. «Низко летим» по нежинскому шоссе, я поглядываю по сторонам... Лесополосы отделяют трассу от выросших за время моего отсутствия коттеджных поселков, маленьких и больших, промелькнул большой магазин строительных материалов у трассы.

– Изменилось? – спросил Сашка.

– Конечно, много что изменилось.

– В лучшую хоть сторону?

– Внешне в лучшую.

– А внутренне... Знаешь, Влад, ни хрена не изменилось, все так же.

– Это хорошо или плохо?

– Не знаю, – пожал плечами Сашка, – по мне так хорошо.

– Вот дороги почищены, смотрю.

– Да, еще и политы реагентом, так что потом машины гни-

ют.

Разогнаться так и не успели толком, и уже через 15 километров от аэропорта мы крутанулись на развязке и съехали в пригородный поселок Ростоши. По шоссе, «паникуя» и «крякая», пронеслась, удаляясь, «скорая».

– Из аэропорта... Представляешь, молодой вроде мужик, сел в Москве, через час полета ему что-то поплохело с сердцем, стюардессы его накормили таблетками. Вроде отпустило, лежал, спал, а приземлились – труп.

– Если «на люстрах» мчатся, то еще не труп. А чему удивляться, Влад, народ в суете, на нервах, о здоровье не заботятся.

– Да он уже синий был, когда я из самолета выходил.

– Значит, не из аэропорта.

Доехали до автомойки, потом повернули направо, через пятьдесят метров опять направо, по грунтовой, но укатанной дороге к десятку новых коттеджей, стоящих особняком от всего поселка.

– Это новый микрорайон поселка, домам лет по семь, не больше, – прокомментировал Сашка наши маневры, взял с панели пульт и нажал на кнопку.

Решетчатые ворота в высоком кирпичном заборе поехали в сторону, открывая вид во двор.

– Вот ты буржуй, – улыбнулся я.

– Стараюсь, – кивнул он, заехал во двор и остановился рядом с гаражом, у которого стояла красная «Калина».

– «Жигуль»... он и в Африке «жигуль», как его не назови.

– Да ладно, неплохая машинка вообще-то, чего ты, супруге купил на работу ездить да детей возить, вместо батиной «шестерки»... Прикинь, продать хотел ее, так что-то кривятся все, а молодому «ездюку» какому и сам не продам, жалко, разобьёт же. О! Ты с правами?

– Да.

– Ну вот, бери, если надо, доверенность напишу тебе... Не побрезгуешь после «японок» на жигуля сесть?

– Не, я не брезгливый.

Вышли из машины, я огляделся... Расчищенные от снега дорожки от дома к постройкам, большая беседка, все с любовью и очень уютно расположено, причем, всего на шести свободных сотках.

– Я тут только беседку построил, ну не сам, конечно, нанимал людей... А все остальное от застройщика досталось. Мне нравится, ну, пойдем в дом, – похлопал меня по спине Сашка и открыл дверь.

– Здравствуйте, с приездом, – встретила нас в холле Сашина супруга, приятно улыбаясь, – да, такой же, как на фотографиях школьных... Ну, будем знакомиться теперь очно?

– С удовольствием, – ответил я, подошел ближе и сначала официально пожал ей руку, а потом чмокнул в щеку, – Влад.

– Анна, – кокетливо ответила она, – ну, а на брудершафт мы еще выпьем.

– Но, но! Ты осторожно с ним, он еще со школы «дамским

негодником» прослыл.

– Наговаривает... почему зря... на честного человека! – сделал я невинное лицо.

– Ну что, Влад, ты позавтракаешь сначала?

– Да я после самолетного пайка не хочу пока что, тут кто-то баню обещал.

– Вот это правильно, – кивнул Сашка, – пошли, покажу тебе комнату, шмотки бросишь да переоденешься.

– Саша, подожди... Перезвони главному, ты же телефон забыл, а он что-то уже несколько раз названивал.

– Что там опять? – засопел Саша, и, нахмурившись, взял с тумбочки телефон.

Анна проводила меня в небольшую комнату напротив детской на втором этаже.

– Располагайся.

– Спасибо, – я прошел в комнату, поставил сумку на тумбочку и, кивнув на лестницу из коридора вниз, с стороны которой доносился разговор на повышенных тонах, спросил, – что, на работе аврал?

– Мало хирургов... Текучка, а хороших хирургов и не осталось почти.

– Ну да, – согласился я, – новые – тупицы, за небольшим исключением, а старые уже на пенсии.

– Вот-вот. Ну, переоденешься и спускайся, – сказала Аня и вышла, закрыв за собой дверь.

Стянул с себя уже отдавившие хозяйство джинсы, шут-

ка ли, сидеть сначала девять часов на рейсе Владивосток-Москва, а потом еще два – Москва-Оренбург. Повесил на спинку высокого стула у письменного стола, туда же свитер... Переодевшись в спортивный костюм и, прихватив банные принадлежности, чистое белье и полотенце, спустился.

– Влад... Ты извини, но надо ехать, – сказал, одеваясь, Сашка, – там ерунда какая-то в отделении, главного «белочка», что ли, опять посетила... Какие-то трупы у них оживают, в морге что-то непонятное твориться...

– Езжай, конечно, раз надо, – ответил я, – где баня-то?

– За кладовкой в холле тамбур, а там дверь, направо котельная, налево баня.

– Езжай, Саша, я покажу, – сказала Анна.

– Ты съезди, детей заberi пораньше, – сказал Саша, поцеловав супругу, – посидим, я Тимониным позвонил, они к пяти приедут.

– Вовка? – обрадовался я.

– Да.

– Здорово!

Напарился до головокружения и трясучки в ногах. Спустя полтора часа, слегка пошатываясь, прошел в холл, из которого через широкую арку была видна гостиная.

– С легким паром! – крикнула оттуда Анна, – Иди, я морс развела.

– А пиво есть?

– Конечно, в холодильнике возьми.

Сделав «чпок» с дымком, половина бутылки «Амстела» утолила жажду.

– Хорошо, – блаженно протянул я.

– Ну, рассказывай, – присела в кресло напротив Аня, – как живешь? Все еще холостяк?

– Да, не нашел что-то еще ту прекрасную мою половину, – улыбнулся я и отпил пиво.

– А давай, мы тебя женим!

– А давай! – в шутку ответил я, не чураясь перспективы «прижаться к мягкому» во время отпуска... А потом можно заявить что-то в стиле «мы не подходим друг другу».

– Шутишь?

– Отчего же, можно и попытать счастья.

Раздался звонок, Анна приподнялась в кресле и взяла с журнального столика трубку, посмотрев на номер вызывающего, извинилась и вышла в кухню, если это можно было так назвать. Потому что гостиная и кухня были, в принципе, одним помещением, разделенным лишь визуально, разными стилями мебели, какими-то декоративными перегородочками с мозаичными рисунками – вообще-то стильно так, со вкусом.

– Да, да, хорошо... – отвечала Анна, похоже, Сашке, – Конечно, прямо сейчас поеду. Хорошо, целую.

Было заметно, что она немного волнуется.

– Что случилось?

– Ой, Влад, ты извини, мы что-то такие хозяева, что стыд-

но даже... Саша позвонил, говорил о какой-то возможной эпидемии бешенства... Я так и не поняла ничего.

– Много бездомных собак в городе?

– Да... Что? А, нет, человеческого бешенства. Я поеду, детей из сада заберу, ты поскучаешь тут часик, я не долго, телевизор пока посмотри.

– Езжай, конечно. А телевизор... Нет, не люблю я его и уже лет пять, наверное, не смотрю.

– Ну, я включу так, фоном... Пиво еще возьми, – сказала Аня и прошла в коридор, где быстро обулась, накинула короткое пальто и вышла, закрывая дверь, – я не долго!

Подошел к окну и понаблюдав, как она, сев в машину, достаточно умело вырулила задним ходом в открытые ворота и скрылась из виду. А ворота, потихоньку закрываясь, поползли обратно.

– Неплохой домик, – сказал я вслух, снова оглядывая интерьер, – ладно, где там пиво?

Отпил еще пару глотков, уселся все же напротив телевизора, потому что мне показалось, что там вроде кино голливудское какое-то про ужасы. Нашел пульт и прибавил звук...

Вещал, похоже, какой-то местный канал, судя по логотипу в углу экрана, а! Точно, «Планета», помню-помню, как они начинали... Самое начало 90-х, первые полгода они вещали в открытую, тупо пускали «Голливуд» в канал, ну и всякие объявления, поздравления и рекламу. Потом, видно, кто-то надоумил шифровать вещание, так как дециметровые

антенны домашние умельцы быстро понаделали, а некоторые предприимчивые их еще и продавали на городской барахолке. Но и шифрация ничего особо не дала, наш привыкший к халяве народ начал покупать у все тех же умельцев дешифраторы – маленькие платки с десятком элементов, и все, никакой абонентской платы, смотри, пожалуйста, на халяву...

Из воспоминаний меня вырвала речь репортера «горячих новостей» на грани истерики:

– ...прямо сейчас мы находимся на территории областной клинической больницы, посмотрите, сколько карет «скорой помощи», – камера приблизила картинку к подъезду приемного покоя, – все эти машины привозят пациентов из разных концов города... эм-м... а-а.... С непонятным еще для специалистов диагнозом, но все симптомы указывают на бешенство неизвестной этимологии.

Репортер поманил рукой оператора за собой и быстро подошел к очередной подъехавшей машине.

– Вот, подъехала еще одна карета «скорой помощи», давайте посмотрим... На данный момент представители мэрии никак не комментируют ситуацию, ссылаясь на управление МЧС, где нам тоже отказали в комментариях, – камера показала, как выкатывают из машины носилки, на которых привязанный по рукам и ногам «больной» очень даже живо трепыхался, открывая окровавленный рот и пытаясь укусить руку катящего носилки санитаря, – очень, очень странно все

это, дорогие телезрители...

В этот момент раздался звон стекла и женский крик с верхнего этажа корпуса, камера «запрыгала» по окнам, пытаясь поймать картинку происходящего...

— ...не отключайтесь, там, наверху, что-то происходит, наша съемочная группа обязательно выяснит все обстоятельства, и мы снова выйдем в эфир, оставайтесь с нами...

Потом пошла реклама сети мебельных магазинов, причем какая-то «колхозная», то есть местного производства, с убогой графикой, противным голосом читающего сопроводительный текст и с ужасного качества картинками вроде как итальянской мебели.

— Хрень какая-то, — снова вслух сказал я и выключил телевизор.

Пойду, подремлю, только высморкаться в ванную схожу — уже хронический гайморит неоднократно сломанного носа не способствуют приятному сну. Постель была застелена чистым и свежим бельем, прикрытым красивым, с какими-то «домиками», гобеленовым покрывалом. Вот на него я и улегся, не снимая спортивного костюма, лишь прикрыв босые ноги уголком гобелена...

Разбудил меня телефонный звонок, я открыл глаза и вспомнил, что я вообще-то в гостях и снова закрыл. Но телефон не умолкал и настойчиво верещал на весь дом. Похоже, хозяев еще нет, подремать уже не получится, видно, ладно, спущусь, отвечу. Глянул на часы... ох, ну ничего себе, почти

пять часов вечера! Сбежал по лестнице вниз и снял трубку.

– Влад! Анна приехала? Дети?

– Саш, я спал, а дома, похоже, никого... Подожди, – я наклонился, чтобы увидеть через окно двор, – нет, «калины» нету.

– Мля! И на звонки не отвечает, а твой телефон где?

– В кармане куртки, куртка вот, в коридоре висит, на вешалке...

– Влад... ты извини, конечно, что вот такое дерьмо случилось непонятное, я позже расскажу... Пожалуйста, в тумбочке под телефоном техталон и ключи от отцовской «шестерки», доверенность черкани на коленке по образцу, там старая доверенность жены валяется, и прошу тебя, съезди к детсаду. Там рядом дом тещи, к ним зайди... Я не знаю, когда освобожусь, тут реально кино про оживших мертвецов снимать можно, надеюсь, что меня уже подменят скоро, и я дозвонюсь до тебя.

– Адрес...

– Что?

– Где садик и дом тещи?

– А, слушай, а лучше записывай...

Оделся, закрыл дом ключами, взятыми из тумбочки, и направился по очищенной дорожке к гаражу. Так ворота, похоже, только изнутри открываются... Ага, дверь сбоку бокса, потянул – открыто. Нашупал выключатель на стене. Со щелчками и морганием под потолком зажглись три люми-

несцентных светильника. Вот она, классика, как говорить-ся, а Сашка молодец, машину, видно холил, дорогое сердцу наследство – когда уходил в армию, дядя Слава ее только купил. Ну что, заводим, открываем и открываем гараж... Подъехав к воротам на улицу, задумался – и как открыть? Вышел, нашел на кирпичном столбе забора кнопку, ага, заработали. Выгнал машину на улицу, зашел в калитку-дверь, нажатой вновь кнопкой заставил ворота поехать обратно, а калитку запер на ключ со связки... Ох, Саня, поить тебе меня коньяком весь отпуск!

Зимняя резина хорошо держала дорогу, машина слушалась, и двигатель работал ровно, хоть и громко. Пролетел проспект Гагарина быстро, но, обратив внимание на изменения, задумался, полетели воспоминания. О, уже Чкалова, сразу два ДТП, милицейский «уазик». Ого... с автоматами! Вроде, «антитеррор» по всей стране давно закончился, и теперь вся великая и необъятная своими налогами отстраивает маленькую, но гордую республику Кавказа... Ладно, мне на Туркестанскую надо, эх, а руки-то «помнят»! В смысле, неплохо ориентируюсь по городу, в котором не был 15 лет, хотя не мудрено, сколько гонял в юности, зля гаишников, на своей «Яве» по главным и не очень улицам города... Ну вот, и до садика добрался.

– А-а-а! Помогите!!! – прокричала какая-то женщина в стороне.

Закрыл машину, поежился от налетевшего порыва хо-

лодного ветра, осматриваясь, застегнул куртку и одел перчатки... Пожилая пара быстрым шагом спешит по тротуару спального района, оглядываясь... Куда они смотрят? А, вижу – женщина неистово наяривает сумочкой, куда попадет, какому-то мужику, а эта пьянь, с трудом удерживая равновесие и пошатываясь, пытается схватить тетку, медленно двигаясь на нее, не обращая внимания на удары и издавая какие-то ему одному понятные звуки. Ну что ж, нехорошо это... хоть и учила меня мама, как говорить, не лезть в семейные разборки, но «не могу молчать», то есть смотреть на эту картину спокойно.

– Мужик... остепенись!

Увидев потенциальную помощь в моем лице, тетка заорала еще сильнее... Бляха, если сейчас прибудет наряд, то и меня еще прихватит, возможно. Еще раз посмотрел по сторонам, прохожие делают вид, что не замечают происходящего, ага, вроде как спешат, ну и хрен на вас! Не сбавляя скорости, на ходу саданул своим плечом в плечо алкаша... Странно, этот финт у меня всегда срабатывал и заканчивался потерей равновесия оппонента, а алкаш как-то вопреки законам физики прокрутился и устоял на меня.

– Ух, ё-о! – я даже отшатнулся, встретившись с ним взглядом, – упоротый, что ли?

Сдавленный писк, шипение, стон, непонятно... и глаза. Я в жизни своей таких не видел, лицо бледное, зрачки словно бельмом затянуты, и какой-то ужас подымается от них, от

этих глаз... А «тело» пошло на меня.

– Да на! – хлесткий правый «джеб» в челюсть никогда не подводил...

Алкаш упал, мелькнув ногами в воздухе, но, повозившись в грязном тающем снегу, начал подниматься. Тетки уж след простыл, и стою я такой один на один с каким-то бронебойным дебилом... подозрительно молчаливым, кстати. Только хотел добавить с ноги, пока он возится на четвереньках, как увидел, что у него сзади вся шея, ну не знаю, просто разворочена, ободрана, даже позвонки видны... Что же это за дерьмо!

Все-таки саданул ему с ноги, заставив снова неуклюже распластаться в серой жиже талого снега, и пошел себе. Отойдя метров на двадцать к воротам детского сада, оглянулся. Стоит алкаш, пошатывается и думает, наверное, куда ему пойти и еще раз огрести. Ну и хрен с ним! О, вот и «калина» Анны стоит, пойду в садик, там с ней и встретимся.

Анны в садике не оказалось, а сторож, крича из-за запертой двери, сказал, что еще в обед начали обзванивать родителей, чтобы забирали детей, так как сад закрыт на карантин. Ладно, пойду тогда к Сашкиной теще, наверное, они там. Поднялся на пятый этаж единственного подъезда девятиэтажного дома между садиком и школой, да, помню, при мне этот дом только начали строить... Раз пять позвонил, не отвечают, не открывают... Прислушался к тому, что происходит за дверью. Возня какая-то, теща инвалид? Ладно, по-

дождю еще.

После того, как я позвонил еще несколько раз и серьезно так постучал ботинком по железной двери, ничего не произошло. Возня так же была слышна, но никто не открывал, кроме соседа напротив – крепкого такого мужика под пятьдесят, с шикарными усищами, одетого в выцветшие и застиранные штаны «летней» полевой формы, тельняшку и тапки на босу ногу.

– Чего долбишься? Кого надо?

На удивление терпеливо и внимательно выслушав мои объяснения, мужик тоже подошел к двери и позвонил.

– А ты что, телевизор не смотришь? – спросил он меня, давя на звонок.

– С утра видел репортаж из больницы.

– Из больницы... – передразнил он меня, – да по всей стране эта эпидемия! Что в стране, что в мире, интернет-то на что? Вроде молодой, а как из леса вышел!

– Фактически, так и есть, сутки как вышел, только не из леса, а из тайги.

– О как! Откуда?

– Да я же говорю, к другу на день рождения с Дальнего Востока приехал, 15 лет не виделись.

– Нормально, – провел ладонью по усам мужик, – а друг твой где?

– Он хирург в областной... Его с утра вызвали на работу.

– Понятно, ну что, чилим, будем знакомы, – протянул мне

руку мужик, – Гриша. Я служил в Приморье, пятнадцать календарей! В Смоляниново, морская авиация... По здоровью списался и вот, домой приехал. Развелся, правда, перед увольнением, а жена там осталась и дочка.

– Влад, – пожал я руку Григория.

– Да чего стоим-то, заходи.

– Так, а...

– Я сейчас, племяншу позвоню, он участковый, не по нашему району, конечно, но сообразит, что делать.

– Хорошо, – принял я приглашение, – а я другу сейчас тоже позвоню.

– Здоровье поправишь? – предложил Григорий, когда мы прошли на кухню, он достал из холодильника начатую бутылку водки, – Соплями-то вон как громыхаешь, простыл?

– Нет, спасибо, я за рулем, а громыхаю уже лет десять, гайморит.

– Сейчас... – Григорий вышел и вернулся с телефонным аппаратом на длинном проводе, многократно перекрученном и в нескольких местах перемотанном изолентой, и с толстым ежедневником, – Так, где тут у нас Олежек, ага...

Я смотрел в окно, форточка которого была открыта, пока Гриша пытался дозвониться до племянника, и не мог понять, что так давит на уши... Да, я, конечно, отвык от звуков большого города, но тут что-то другое... Точно! Сирены, их завывание периодически разносится по городу, и это явно не нормально, слишком много, долго и часто... А еще слышны

крики – периодически то в одной стороне, то в другой кто-то отчаянно кричал, будто режут его... или её...

– Олежек? Алле... а? А кто это? А где Яковлев? А? – Гриша несколько раз подул в трубку, будто это поможет, – Куда идти? Что? Да пошел ты сам!

– Что?

– Представляешь, послали...

– Нервы, слышишь? – показал я на улицу.

– Да, что-то развылись, видно, дела плохи с этой эпидемией, как бы паника не началась.

Я достал телефон и попытался дозвониться до Саши... «Аппарат абонента выключен, или находится вне зоны действия сети» – безучастно сообщил мне записанный женский голос.

– Не доступен, – побарабанил я пальцами по столу.

– Так это, тебе есть, где остановиться-то?

– Да, я у него и живу... Слушай, может просто 02 позвонить?

– На, звони, – пододвинул мне телефон Григорий, – если не пошлют.

Набрал номер, долго не отвечали, но, в конце концов, сняли трубку...

– Дежурный-по-ленинскому-району-лейтенант-бпр-пб-прбпр... – ответили мне нечленораздельной скороговоркой.

– Здравствуйте, тут в квартире соседней проблемы...

– Везде проблемы, конкретней.

– Возможно, там пожилой женщине плохо, звоню – не открывает, но в квартире возня слышится.

– Вы кто?

– Что?

– Вы кто этой женщине?

– Это теща моего друга. Он просил проверить, все ли нормально, он не может до жены дозвониться, она детей из сада должна была забрать.

– А почему вы, а не этот ваш друг, звоните?

– Он хирург, в областной... не может вырваться.

– Хм... понятно. Адрес?

Сообщил адрес дежурному, который сухо бросил «ждите» и положил трубку.

– Ну что, точно водки не будешь?

– Я же говорю, я за рулем.

– Думаешь, – кивнул Григорий на окно, – там есть кому-то дело до пьяных водителей?

– Мне есть, – строго сказал я, – никогда не позволял себе этого.

– Ну, – Григорий пожал плечами, и, отведя глаза в сторону, сказал, – все когда-то случается в первый раз.

– Чаем угостишь?

– Да легко, – Григорий встал, пощелкал пьезо-зажигалкой у конфорки, и, проверив наличие воды в чайнике, поставил его на огонь.

Чайник грели два раза, мне было уже неудобно оккупировать кухню Григория, хотя ему, похоже, нравилась компания, он расспрашивал меня про Дальний Восток, называл какие-то фамилии, некоторые из них даже звучали знакомо, но общих каких-то моментов соприкосновения мы так и не нашли. За окном стемнело, сирены не умолкали, мне даже показалось, что я слышал выстрелы... А когда раздался звонок в дверь, я чуть в штаны не наложил...

– Это что? – спросил я, вытирая выступивший на лбу пот, то ли от не знаю какой по счету кружки чая, то ли от страха.

– Не знаешь?

– Что, реально корабельный?

– Ага, дорог как память.

– Соседей «кондрат» не хватает?

– Бывает, – ответил, улыбаясь, Григорий, шаркая тапками по коридору.

Спустя пару секунд он громко сказал из прихожей:

– Влад! Милиция.

Обувшись и одевшись, я вышел на площадку. Если бы не форма, бронежилет и автомат, я бы подумал, что передо мной школьник-переросток, рядом с ним стоял, нет... Рядом с ним пытался устоять на ногах мужик лет сорока, который «кыш» сказать не может, с инструментальным ящиком в руке.

– Вы вызывали? – спросил меня сержант, замученный какой-то, осунувшийся.

– Да, вот квартира.

– Вы уверены, что там кто-то есть?

– А вы послушайте, я подошел и позвонил.

Тишина, которая до этого была за дверью, сменилась шепотом и возней.

– Ясно, открывайте, – сказал сержант мужику, потом отошел к электрическому щитку, и, оттянув предохранитель на «ксюхе», беззвучно опустил его...

На удивление, слесарь секунд за десять справился с замком, открыл дверь и, дурачки улыбаясь, сказал:

– Опыт не про...

Из-за открытой двери на него вывалилось то, что еще несколько часов назад было Анной, я ее только по свитеру и рыжим волосам узнал. С перемазанным запекшейся кровью бледно-серым лицом, издавая какие-то непонятные звуки, «оно» как-то шустро шагнуло на площадку. Зацепившись скрюченными пальцами с ярким и явно дорогим маникюром за лямку комбинезона и притянув ничего не понимающего работягу, хватануло его зубами за затылок, а потом за шею, вырвав просто огромный кусок мяса. Я попятился назад, пытаюсь понять, что же это...

Та-та... – очередь на два или три патрона разнесла голову Анне, оглушив всех.

– Ты охренел! – пошел я на сержанта...

– Спокойно! – заорал он, наведя на меня автомат, – Это уже не человек... ты что, не видел?

– Ты гонишь? Я утром с ней разговаривал!

– Успокойся, говорю, кто еще в квартире... был?

– Дети и ее мать, – ответил я, схватившись за голову и сползая по стене, – охренеть можно...

– Фу, воняет-то как, – закрыл рот и нос рукой Григорий и шагнул к себе в квартиру, – я «скорую» вызову, этому...

Слесарь стонал и раскачивался, сидя на полу, и, морщась от боли, заворачивал такие матюги, что впору записывать.

– Идемте, – сержант включил фонарь и подошел к двери квартиры, откуда по лестничной площадке распространялся невыносимый смрад, – сколько, говорите, их там?

– Должно было быть четверо, – я встал позади сержанта и добавил, – что тут у вас происходит, мля?

– В смысле, у нас?

– В смысле, в городе... Зомби-Апокалипсис какой-то.

– Во, а я все слова подбирал, как их называть-то... Зомби, точно! А они все психи, психи... – сказал сержант, и, приложив фонарь к цевью, шагнул в квартиру.

Когда я включил свет в коридоре, который осветил и часть зала, удержаться от рвоты было невозможно, и я испачкал какой-то пуфик у тумбочки в коридоре. Бабушка была практически съедена, а та часть, что от неё осталась, еще лежала на полу и шевелилась. Ее кишечник растянулся через весь коридор, она протягивала к нам руки с висящими на костях лохмотьями мышц и кожи. Сержант выстрелил в обезображенную голову.

...Топ, топ, топ... Из зала вывернуло то, что, наверное, было Сашкиной дочкой, почти цела, только на щеке дыра от укуса, но весь рот перемазан кровью, а ее оскал мне показался совсем не человеческим. Она быстро шла на меня, выставив вперед руки, я только и успел отскочить, перевернув на неё тумбочку. Пятилетняя зомби чуть потеряла равновесие, изогнулась и словно приготовилась к прыжку...

Бах!

– Фу, мля... – страх заставил меня отшатнуться и упереться спиной в стену, – еще мальчик старший где-то...

Но, обшарив доступное пространство фонарем, из коридора мы ничего не заметили. Сержант подкрался к двери в зал, быстро заглянул и выглянул, потом опять заглянул, протянул руку и включил свет – никого, только куча кровавых следов детских стоп на ковре и диване. На улице кто-то неистово закричал, моля о помощи и заставив меня дернуться.

– Точно должен быть еще ребенок? – спросил сержант, выйдя из зала.

Он тоже далеко не бодро выглядит, а автомат в его руках ходуном ходит, как только в цель попадал еще...

– Ты это, ствол отверни и палец со спуска...

– А? А, да, – выполнил мою просьбу сержант и осторожно прошел на кухню.

– И биться сердце перестало! – протянул появившийся в дверях с двустволкой в руках Григорий, а потом метнулся

назад, и я услышал, как он тоже опустошает на лестничной клетке свой желудок.

Что-то звякнуло, словно упало и разбилось.

– Сержант, – кивнул я на дверь в ванную комнату и щелкнул выключателем на стене, – я открываю, ты смотришь.

– Угу...

Дверь оказалась закрыта изнутри и не открылась, я с силой дернул, сорвав хиленькую щеколду и распахнул дверь... Увидев милицескую форму, мальчик, прячущийся в ванне и выглядывающий из-за ее края, впал в истерику. Он был, слава богу, цел и невредим. Рыдал, пытался что-то сказать, но ужасно заикался и всхлипывал.

– Никитка, все... – вытащил я его и прижал к себе, вышел из ванной комнаты, а затем боком из квартиры, дабы ребенок не видел то, что осталось от его родных, – сейчас домой поедem, слышишь меня? Все, успокойся.

Григорий провел нас к себе в зал, я усадил Никиту на диван и почувствовал специфический запах.

– Никитка, ты посиди тут, я сейчас, дядя Гриша вот тебя охранять будет, видишь, ружье какое у него?

Мальчик, всхлипывая на каждом вдохе, кивнул и покорился на Григория.

– Была же у бабушки твоя одежда какая-нибудь?

Сказать, что ребенок был перепуган – это ничего не сказать, стресс затормозил его конкретно. Не дождавшись ответа, я вернулся в квартиру Сашкиной тещи, и, полазив по ящи-

кам, нашел детскую одежду и сменное белье.

— Ну что, я поехал и этого бедолагу в больницу завезу, хотя он скоро умрет и станет таким же, как эти, — сказал сержант, до этого разговаривавший с кем-то по рации.

— Как поехал? Эм... я не знаю, а следственная группа там, ну, или что должно быть?

— Должно, но не будет, — ответил он и вышел из квартиры, помог подняться перевязанному Григорием слесарю и вызвал лифт.

— Черти что! — сказал я, и, схватив с обувной полки две пары детских сапожек, не поняв, какие из них Никиты, вышел и захлопнул квартиру.

Раздев мальчишку и поставив в ванну, я поливал его из горячего душа и натирал напененной мочалкой... Да уж, я и сам чуть не обделался, что уж о ребенке-то говорить? Никита относительно успокоился, плакать перестал, но все еще продолжал периодически всхлипывать и молчал. На мои вопросы он либо только кивал, либо отрицательно мотал головой. Одев ребенка в чистое, я стал сам собираться.

— Куда же вы, на ночь-то глядя, попретесь? — сказал Григорий, — Оставайтесь.

— Нет, я его лучше домой отвезу, может, и его отец уже дома...

— Звонил ему еще?

— Да, нет доступа все так же.

— Все же, думаю, не стоит на улицу выходить.

– А завтра? Ты вообще понял, что случилось? Завтра в городе таких... эм... зомби будет в разы больше, я лучше в Ростоши, там народа меньше. Сержант говорит, что все покушанные умирают, а потом сами становятся такими же зомби.

– Что еще сказал?

– Сказал, что в голову только стрелять таким надо, по-другому не успокаиваются.

– Слушай, давай телефонами обменяемся... Мало ли, так, на всякий случай.

– Хорошо.

Обменялись телефонами, и Григорий тоже стал обуваться:

– Провожу вас до машины.

– Спасибо, не помешает, – посмотрел я на стоящий у стены 27-й Иж.

– О! Подожди, – Григорий ушел в комнату, погромыхал там с минуту и вернулся, – вот, держи.

– «Оса»?

– Да, вот патронов десяток, давно лежат.

– Да, из неё попасть, тем более в голову, только в упор можно.

– А хоть и так, все лучше, чем с пустыми руками... И почему, кстати, именно в голову?

– Сержант сказал... Он в обед по такому же психу, то есть зомби, полмагазина, говорит, выпустил, а ему хоть бы хны, в результате, из пистолета в голову угомонил.

– Понятно. Знаешь, как пользоваться-то?

– Знаю, был у меня такой, продал за ненадобностью... Батарейка живая?

– Да, менял на Новый Год.

– Ну что, Никитка, поехали домой? – присел я на корточки перед ребенком.

Он в ответ часто закивал. Я засунул «Осу» в карман куртки, в другой ссыпал патроны и поднял ребенка на руки.

– Впереди пойду, где машина? – спросил Григорий, взяв ружье и застегнув патронташ поверх пальто.

– У садика, со стороны ворот.

– Идем.

На лифте не поехали по вполне определенной причине, и, спускаясь по лестнице, на пролете между вторым и первым этажами, рядом с почтовыми ящиками, увидели трех мужиков, которые что-то обсуждали. Один из них был с «Сайгой» за спиной.

– О! вот и Иваныч тоже... Прочувствовал важность момента, – сказал тот, что с «Сайгой», – Далеко собрался?

– Да вот, – кивнул он на нас с Никиткой, которого я нес на руках, – до машины проводить, а то мало ли.

– Подожди, там у мусорных баков этот... ну, псих, дворника, эм-м... доедает.

– Так, а что вы тут? – спросил Григорий, – Валить его надо.

– Валить? – возмутился небольшого роста пузатый очка-

рик в дорогом домашнем халате поверх не менее дорогого костюма и в тапочках, – а кто вам, позвольте, дал право? Вот милиция приедет и решит.

– Дурак ты, Семен, – сказал Григорий, – хоть и образованный. А образованный дурак вдвойне страшен, для себя самого в первую очередь!

– Да что вы себе...

– Ладно, – перебил его перехвативший поудобнее ружье Григорий и открыл клапан патронташа, – не до тебя... Идем, Влад.

Из подъезда вышли, словно ожидая нападения, оглядываясь по сторонам и медленно ступая по дорожке к садику, которая проходила как раз мимо мусорных баков. Фонари горят у дома и вдоль дворовой дороги, натопанная дорожка к садику не освещена и затенена деревьями.

– Может, по дороге? – спросил я.

– Долго, и неизвестно, сколько еще таких шляется, – ответил Григорий и вскинул ружье, – погода...

Он медленно пошел к бакам, у которых можно было разглядеть стоящего на четвереньках человека в испачканной грязью короткой дубленке. И да, было похоже, что он, словно дикий зверь, поедает несчастного дворника, отрывая от него куски плоти зубами.

«Ба-бах» – саданул громкий выстрел, Никитка вздрогнул и еще сильнее прижался ко мне.

– Не бойся, – погладил я его по спине.

Григорий подошел ближе к бакам и, опустив ствол, выстрелил еще раз, похоже, уже в дворника, переломил стволы, и зарядив оружие, махнул мне рукой.

До забора садика шли быстро, практически бежали. По дороге проезжали редкие машины, а прохожих как-то было не много, хотя всего девять вечера. Те немногие, кто находился на улице, очень спешили добраться быстрее до дома... и крики, с разных сторон доносились крики.

Усадив Никитку на переднее сиденье и пристегнув его, завел машину.

– Ну, спасибо тебе Григорий Иванович, – протянул я ему руку.

– Доберешься в Ростоши, позвони обязательно.

– Хорошо, – кивнул я ему и достал «Осу».

– Оставь.

– Спасибо.

– Все, с богом, – постучал он по крыше.

Количество ДТП явно превышало среднестатистическое, а на перекрестке Гагарина и Алтайской так вообще «пожарка» перевернулась, собрав в кучу несколько машин. Благо в каждую сторону на проспекте по три полосы, я кое-как втиснулся в поток, благодарно кивнув какому-то мужику на «Ниве», который меня пропустил перед собой. До развязки загородного шоссе доехал без проблем, да и до Ростошей тоже. В микрорайоне, где был Сашкин дом, почему-то не было уличного освещения, но причину я узнал чуть позже, по-

вернув на повороте и увидев упершийся в бетонный фонарный столб джип «чероки». Не вписался... и только я об этом подумал, как с темной обочины на свет фар на нас шагнул этакий классический «браток», в короткой кожаной куртке, спортивных штанах и кроссовках. И он был уже не живой... бледный, глаза эти жуткие...

– Никитка, не бойся, зажмурься и просто не смотри.

Снова испугавшийся ребенок послушался, коротко вскрикнув, сильно зажмурился и закрыл глаза ладошками в вязаных варежках, а я включил заднюю скорость... Подвывая коробкой передач, машина отъехала метров на десять, теперь первую, газу, сразу третью... На! Уродливый оскал и безжизненные, но жаждущие плоти глаза, уставились на меня через лобовое стекло. Когда живой покойник улегся грудью на капот, я смог увидеть наборную рукоятку ножа, торчащую у него под левой лопаткой по самую эту рукоять. Попытался отъехать снова назад, но этот «браток», похоже, зацепился чем-то за бампер и руками ерзал по стеклу с противным скрипом... Я осторожно вышел из машины, открыл багажник в надежде найти там подходящий инструмент и нашел – нормальный молоток... Подошел к капоту, наклонился и убедился, что Никита так и сидит, закрыв глаза, от души приложил «братка» по голове, он еще пару раз дернулся и сник. Не выпуская молотка из рук, готовый снова его использовать для рихтовки мертвячьих мозгов, схватил теперь вроде бы действительно мертвую тушу за куртку и, матерясь,

снял с капота и оттащил на обочину. Осмотрелся и сел в машину, сунув молоток под сиденье.

– Все, Никита, я прогнал плохого дядю.

Мальчик убрал от лица руки, осторожно открыл глаза и, опять вздрогнув, закрыл. Я повернулся и увидел, как из уже открытой двери «чероки» к нам семенит в туфлях на шпильке, в дорогой шубке нараспашку и в коротком платице этакая «снегурочка», правда, с хорошей шишкой на лбу...

– Подождите! Подождите, пожалуйста!

– Ну, разговаривает, значит, живая, – подумал я вслух и вышел, нащупав в кармане «Осу».

– Пожалуйста, меня... подвезите меня до дома, тут не далеко, в конце улицы, – как говорить, «мотая сопли на кулак», начала умолять она, и, кивнув на мертвяка на обочине, сказала, – я перепугалась, когда его на дороге увидела... и в столб.

– Понятно, назад садись.

– Спасибо... спасибо большое... Я покажу, куда ехать.

– Ну, позвонила бы кому-нибудь, что, так и сидела бы? – спросил я, когда мы поехали.

– Я сумочку оставила, когда из офиса все выбегали, там такое было... такое...

– Ясно. – ответил я, внимательно глядя на Сашкин дом, проезжая мимо ворот; наверху свет не горит, а что внизу – не видно, забор два с лишним метра, – Куда дальше?

– Вот, где над воротами фонари... такие, м-м... такие...

– Кованые? – пригляделся я к воротам серьезного такого коттеджа, который находился через два дома от Сашкиного. В окнах горел свет, и во дворе была полная иллюминация.

– Спасибо, – просунула голову между спинками сидений «снегурочка» и, чмокнув меня в щеку, вышла из машины.

Подождал, пока ей не открыли после того, как она, при-топывая своими вполне ничего себе ножками, около минуты давила на звонок.

– Ну и славненько, – сказал я, когда она бросилась на шею открывшему ей мужику лет пятидесяти.

Включил заднюю скорость, и, сдав до Сашкиного дома метров сто, вышел из машины, открыл калитку и включил кнопкой механизм ворот.

– Все, Никитка, приехали, пошли в дом, – сказал я, когда мы вышли и дождались, чтобы ворота закрылись.

Сашки дома не было, а я так надеялся, что он вернулся... Думал, может, аккумулятор у него на телефоне сдох, но предчувствия какие-то нехорошие. Ещё раз убедился, что закрыл на замок входную дверь, помог Никите раздеться, потом в ванну – руки мыть и умываться.

– Ну что, брат, перекусим? Что-то я проголодался, – спросил Никиту, параллельно набирая СМС Григорию Иванычу: «Добрались, Влад».

Уже более-менее успокоившись в стенах родного дома, Никитка сидел за кухонным столом, и, поглядывая на меня, теребил пуговицу на рубашке, на мой вопрос он кивнул

утвердительно.

– А что ты обычно кушаешь на ужин?

В ответ он пожал плечами.

– Ладно, – я открыл холодильник, – о, пельмешки есть, сварить?

Никитка отрицательно помотал головой.

– Так, а это что? – потянул я кастрюлю с полки, – ммм... борщ, красненький, будешь? Все, все, убираю...

Я стоял и смотрел на полки. Не пустые, к слову, полки, колбаска, балычок... готовился Сашка к празднику. Много чего, в общем, но все как-то не вызывало аппетита, а даже наоборот. Блин, и борщ, его ведь Анна, похоже, с утра сварила...

– О, а омлет будешь?

Никитка заинтересованно на меня посмотрел и неуверенно кивнул.

– А вот тут еще есть сыр, майонез... Хочешь, закуску сделаю с сыром и чесноком?

Никита опять кивнул и даже стал раскачивать ногой, наблюдая за моей суетой у плиты. Попутно еще пару раз звонил Сашке – бесполезно.

– Ну, готов к приему пищи? А давай прямо со сковородки вдвоем есть, а?

Никите эта идея понравилась, и он снова закивал, изобразив на лице некое подобие улыбки. Уфф... ну, слава богу, хоть немного отошел ребенок.

Закуска с тертым сыром, майонезом и чесноком Никите тоже очень понравилась, попили чаю, потом я принес из детской одеяло и уложил Никиту в гостиной на диване.

– Тут будешь спать, хорошо? А я вот тут рядом, на кресле...

– П-папа... – попытался сказать Никита, но я понял, о чем он.

– Ложись, малыш, папа на работе... А пока он там, я буду с тобой. Не возражаешь?

Никита кивнул, глубоко вздохнул и лег. Я укрыл его, он закрыл глаза и буквально через пару минут засопел.

Уфф... – выдохнул я, перешел на кухню и снова попытался дозвониться Сашке. Пошли гудки... я «висел на трубе» пока не запиликало, и мне не сообщили, что «абонент не может ответить в данный момент». Но тут вдруг вызов!

– Але, – ответил я, – Саня!

– Это не Александр, – сообщил незнакомый мне голос, какой-то тихий и уставший, – вы кто ему?

– Друг детства... одноклассник... я с его ребенком сейчас...

– Анна?

– Она... это... ну...

– «Живая» мертвая? – подсказали мне.

– Ну, да, только уже «мертвая» мертвая, как и дочь, и теща Санина. Они там как-то друг друга съели, а потом милиция... в общем, их нет.

– Саши тоже нет, его тоже съели, а потом он пытался съесть меня... мне пришлось... Понимаете?... И я тоже его друг и коллега.

– Понятно, – покосился я спящего ребенка, теперь уже точно сироту.

– Мне тоже недолго осталось, он меня укусил... Держитесь подальше от искусанных, они умирают минут через сорок или час... А потом через несколько минут поднимаются и уже сами ищут, кого укусить... съесть... Прощайте, я не могу больше разговаривать, боюсь, не успею...

– Подождите, подождите...

Я услышал хлопок на той стороне, это был наверняка выстрел. Бедняга, не желая становиться вечно голодным и мертвым скитальцем, он застрелился. Что теперь? Попробовать улететь домой? А Никитка? Сашкины родители умерли пару лет назад с интервалом в год, он у них был единственным и поздним ребенком. Лететь с Никитой? Ну, а что, сейчас пороюсь, найду, наверное, документы.

Что-то запиликало... мля, домофон! Я подорвался и скользнул по паркету до входной двери, хватанув трубку.

– Слушаю.

– Это сосед, – раздался из трубки низкий с хрипотцой голос, – ты дочь мою подвозил.

– А... и что?

– Пусти, поговорить надо.

Я нажал кнопку электромагнитного замка, влез в ботинки,

и, накинув куртку, вышел во двор, засунув руку в карман с травматом – шут его знает, этого папашу.

– Илья, – протянул мне руку с тяжелой золотой печаткой с каким-то черным камнем тот самый мужик, на котором повисла «снегурка» в дверях, – спасибо, что помог дочке. Я это... спросить, тебе, может, самому помощь какая нужна? Ты обращайся.

– Влад... да я не знаю еще, что мне нужно, мозги нужно в первую очередь в кучу собрать и понять, какого хрена вообще происходит.

– Эпидемия, никто не знает, откуда и какая, я много кому и куда звонил, везде примерно то же самое.

– Везде?

– Да, по всему миру, доигрались, похоже, некоторые... Слушай, а доктор-то где? – кивнул Илья на дом.

– Съели его... И жену с дочкой, только Никиту удалось спасти, перепуган до жути... разговаривать перестал, заикается. Спать уложил пока.

– А ты кто доктору?

– Друг детства, в гости вот приехал на день рождения.

– Да... в гости к мертвым, – сказал Илья и задумался, – ну это, ты телефончик-то мой запиши, я не последний человек в определенных кругах в городе, звони, если что. И вот еще, держи.

Илья протянул мне бумажный конверт.

– Ну, это просто часть благодарности, бери, бери... и зво-

ни если что, – вручив конверт, Илья ощутило хлопнул меня по плечу, – ну, бывай.

Вернувшись в дом, снова закрылся и сунул нос в конверт... ого! Ну, как говорится, дают – бери, бьют – беги. Так, наверное, стоит и самому на массу придавить, а утром, на свежую голову, принимать всякие решения. Подошел к холодильнику, достал с полки на дверце бутылку водки и сделал пару глотков из горлышка, закусив остатками сыра с майонезом. Затем расположился поудобнее в низком и мягком кресле и закрыл глаза.

22 марта, утро.

Меня разбудил вой сирены – это «скорая» пронеслась мимо ворот. Сел в кресле, потер глаза и посмотрел на Никитку: спит, ну и хорошо. Времени пятый час утра, а я вроде даже выспался... Так, где тут у них кофе? Растворимого не нашел, зато нашел уже молотый в пачке. Сварил, налил большую кружку, немного закрасив молоком, и в одиночестве уселся за кухонным столом. И что мы имеем, Владислав Петрович? А ни черта хорошего! Ладно, попробуем продумать варианты, первый – найти документы Никиты, и в аэропорт... Ну, собственно, и все, а что еще остается? Этот город для меня уже давно перестал быть родным, надо ехать домой, на Дальний Восток, я там уже настолько пустил корни, как говориться, что долго не могу без сопок, тайги и моря. Ладно, пойду, поищу документы ребенка. Допил кофе и поднялся на-

верх. Войдя в хозяйскую спальню, в очередной раз отметил чувство вкуса у Анны, Сашка-то точно не стал бы так заниматься интерьерными и обстановкой. Кроме низкой кровати, напольной высокой вазы с затейливой икебаной и журнального столика, в комнате больше не было ничего, ага, как у японцев прямо. Так, значит, должна быть какая-то гардеробная или кладовка... Нашел, рядом с ванной комнатой было просторное помещение, одежда на вешалке, обувь, белье... ага, вот небольшой шкаф-купе с зеркальной дверью, а за ней всякое семейное и нужное – документы, пара простеньких шкатулок с драгоценностями, загранпаспорта, какие-то папки... хм, и здесь Анна проявилась... она не немка, интересно, по происхождению? Взял в руки папку с надписью «дети», ну вот, пожалуйста – и свидетельство о рождении есть, берем. Что еще можно взять? А ничего, все строго и со вкусом. Оружия у Сашки никогда не было, он не охотник, да и просто не любит он его... не любил. Займусь теперь сборами Никиткиных пожитков. Нашел детский рюкзачок, куда покидал с полка нижнее белье, одежду на смену... Мля! А что я, собственно, делаю? Так, телефонный справочник вроде в прихожей был, рядом с телефоном, позвоню в аэропорт...

Мне никто не ответил ни по одному из трех номеров, ни дежурный, ни касса, ни отдел милиции. Так не бывает, кто-то же должен там находиться. Компьютера я не заметил в квартире, значит, ноутбук где-то лежит... Начал шарить по ящикам в гостиной, не обнаружив искомого, покосился на

Никиту, просто почувствовав на себе его взгляд. Ребенок лежал бочком на диване, смотрел на меня и хлопал еще сонными глазенками. Подсел с краю.

– Доброе утро.

– Д-д-д, – попытался ответить он, но лишь моргнул.

Я погладил его по голове и спросил:

– Позавтракаешь?

Никитка согласно кивнул.

– Ну, давай, умывайся, и жду тебя на кухне. Сам справишься?

– Д-да! – наконец смог сказать он.

– Никитка, – придержал я его за руку, – а у родителей же был компьютер, ну, или ноутбук?

Он присел на корточки и показал пальцем в сторону журнального столика, на полке которого я увидел серый корпус ноутбука.

– Вот молодец, – потрепал я его по волосам, – ну иди, умывайся.

Приготовив ребенку завтрак в виде какао и бутербродов с сыром, сам уселся в кресло у журнального столика, за которым на полу у плинтуса обнаружился и модем... Индикация питания и активной линии DSL на нем светилась, что не могло не радовать. Итак, что мы имеем... А то вон, даже Григорий Иванович в свои-то годы более в курсе событий о всем творящемся вокруг, чем я. Пока Никита завтракал, я погрузился в сетевую информацию... То, что ничего хорошего не

светит, я понял после получасового рысканья по новостным сайтам, информации много, разной, и вся плохая. Кое-где уже проскакивает в заголовках «зомби», но в основном пока говорится о «вспышках немотивированного насилия», или «бешенство неясной этимологии»... На фоне этих растущих в арифметической прогрессии вспышек в крупных городах начались беспорядки, вообще, стало понятно, что нужно избегать большого скопления людей. На сайте «Orenair» висело сообщение, что сайт временно не доступен. Полез опять по «новостям»... Можно было бы включить телевизор, но не хотелось пугать ребенка картинками, в сети их было уже превеликое множество и видеороликов хватало. Что еще? Ага, в Москву внутренние войска ввели, да и военных, похоже, тоже. В городах уже много где стреляли, видел фотографии и ролики гражданских с оружием в руках...

Чем больше смотрел и читал, тем больше приходило осознание того, что нечто неживое и хищное решило зайти в гости в этот мир, причем без спроса и предупреждения. Большие города охватывала паника, люди пытались эвакуироваться самостоятельно и попадали в ловушки из пробок, на стрельбу уже никто не обращал внимания, так же, как и на поедание ближнего своего, который не смог отбиться от зомби... просто пробежали мимо кровавого пиршества. И самое интересное, что все это начало активно развиваться в ночь с 19 на 20 марта, первые покусанные начали умирать в больницах, потом подниматься и бродить в поисках жертв, которых

сразу стало очень много, особенно в медицинских учреждениях. Вообще, волосы начали шевелиться, конечно, во всех местах... промелькнула мысль о Китае, Индии, Пакистане, ну и прочих густонаселенных странах – царство мертвых... Бр-р... передернул я плечами и закрыл ноутбук.

– Поел? – спросил Никиту, который присел на подлокотник кресла, не успев увидеть картинок на экране.

– Д-да... п-пап-па...

Посадив ребенка себе на колени, посмотрел ему в глаза и сказал:

– Вот что, Никита, ты меня извини, всякой психологией я не владею, к сожалению... Поэтому скажу тебе прямо и честно: ни мамы, ни папы, ни сестрички у тебя теперь нет...

Никита смотрел на меня, не моргая, его глаза начали наливаться слезами, ручейки которых потекли по щекам...

– У тебя теперь есть только я, а у меня есть ты... Мы с твоим папой дружим... дружили, еще когда были такими маленькими, как ты сейчас, нас многое связывает, и я обещаю, что не брошу тебя. – я вытер со щеки мальчика очередную покотившуюся слезу, – Я очень тебя прошу, давай ты будешь меня слушаться, и тогда у нас есть шанс, что мы не будем съедены...

Никитка обнял меня за шею, засопел и тихо заплакал... Позволив пару минут ребенку поплакать, я встал и вместе с ним на руках прошел в ванную...

– Так, все, мы с тобой мужчины, и нам плакать не поло-

жено, давай умоемся, – я открыл кран, отрегулировал температуру воды.

Никита набрал в ладошки воду и прижал их к лицу.

– Вот, молодец, мужик! – подал я ему полотенце, – У тебя есть мультики?

– Д-да...

– Давай ты пока посидишь, посмотришь мультики, а я подумаю, что нам дальше делать?

Никита кивнул, взял меня за палец руки и повел в детскую.

А молодцы Саша с Анной, в коллекции дисков и кассет почти не было «Диснея», в основном наши мультипликационные фильмы. Начал перебирать их в стойке перед видеодвойкой на тумбочке.

– В-вот! – Никита ткнул пальцем в диск «Приключения капитана Врунгеля».

– Хороший выбор, мне этот мультик тоже нравится. Его поставить?

Никита кивнул, забрался на нижний ярус двуспальной кровати, стилизованной под двухэтажный лондонский автобус, и уселся, скрестив ноги.

Спустившись вниз, набрал Григория Ивановича, который ответил практически сразу.

– Ну, ты там как? – спросил он, даже не здороваясь.

– Нормально, если можно так сказать... ребенок вроде успокоился. Вчера разговаривал с коллегой моего друга, ну,

того, чей ребенок и у которого я сейчас... отец тоже съеден.

– И что думаешь делать?

– Не знаю пока, собираюсь с мыслями. Слушай, что в городе твориться?

– Да жопа! Соседи снизу орали с утра, явно кто-то кого-то ел, пытался вызвать милицию – бесполезно. Спустился с рухьем, позвонил... но там все стихло.

– Значит, съели.

– Угу. Стрельба на улице, этих мертвых людоедов все больше шатается. О! племяш же, наконец, объявился, заскочил на пару минут, нес что-то про то, что власти самоустраиваются от происходящего, никто ничего уже не в силах сделать. Сказал, что он и еще пара его друзей «ментов» к кому-то в деревню уезжают, прихватив служебное оружие...

– А ты чего с ними не поехал?

– Да как бы не получил приглашения, у меня с родственниками как-то нет любви особой.

– Из города уходить надо.

– Куда?

Я подумал секунд десять, помолчал...

– Собирайся и приезжай в Ростоши, двум взрослым мужикам всяко проще будет.

– Спасибо... Очень хотел это услышать... А то смотрю, все только свои задницы спасают, никакой помощи и поддержки.

– Так едешь?

– Да... адрес какой?

Продиктовав адрес Григорию, я снова открыл справочник города, нашел несколько оружейных магазинов, снова набрал Иваныча.

– У тебя деньги есть?

– Есть малость, но не пошикуешь.

– Ладно, приезжай, решим... В какой стадии сборов?

– Да в дверях почти, сейчас главное – до гаража добраться.

– Удачи.

– Угу, – ответил Григорий и отключился.

Уже рассвело, я прошел на кухню, и, вытащив все же кастрюлю борща из холодильника, поставил ее на плиту. Хм... а что-то особых запасов еды я не заметил в этом доме. Так, ну-ка еще раз все обойду. Видно, финансы Сашке позволяли просто в конце рабочего дня заезжать и отовариваться в каком-нибудь супермаркете на день-два. Кроме пары килограмм картошки и нескольких пакетов круп и макаронных изделий ничего не обнаружил. О! Есть же гараж, и там подвал вроде бы имеется. Поднялся наверх, сообщил Никите, что отойду в гараж, на что он кивнул, не отвлекаясь от приключений экипажа яхты «Беда».

Все же я был не прав – в подвале обнаружилась и пара мешков картошки, и полки с соленьями, и кое-какие консервы, видно, у русского человека все-таки в крови делать запасы, несмотря на положение в обществе, ну, если только это положение не совсем заоблачное. Что ж, уже радует. Вышел

из гаража и прошелся по двору.

«Что у нас тут с периметром физзащиты», – подумал я уже профессиональным языком. Почему профессиональным? А потому-что уже несколько лет я работаю в маленькой частной армии Росатома, то есть ФГУП «Атом Охрана», охраняем недавно построенную площадку хранения всякой радиоактивной гадости, которую Родина отработала и пока не придумает, что с этим делать, хранит на подобных объектах. Денег не то, чтобы много платят, зато сутки через трое, можно себе позволить и на рыбалку, и на охоту, да и так, наслаждаться жизнью, а не носится с пеной у рта по двум или трем работам, отрабатывая проценты по кредитам... Хотя не известно, как бы я жил, будучи не один, а одному много не надо. После службы на флоте попытался искать себя истроиться в жизни. Всякое было – и хорошее, и плохое, и машины японские перегонял с Дальнего Востока в Сибирь. И в одной сомнительной охранной фирме поработал, которая, по сути, занималась рэкетом. И сам бизнесом пытался заниматься, но вот что-то остепенился и нашел сменную работу, так и живу в свое удовольствие... Вернее, жил... как теперь будет складываться моя жизнь на фоне летящего под откос мира, я даже не представляю.

Ну, забор примерно два двадцать, выглядит надежно, зомби, судя по их невысокой сообразительности, наверное, не пойдут искать лестницу, чтобы пробраться сюда. А вот от НЕ зомби, похоже, надо что-то придумать, так как по той же ин-

формации из сети, мародерство приобретает просто массовый характер, не гнушаются порой и кровь пустить, тем самым пополняя армию зомби. И по скудной информации, которую удалось выудить, заражение опасным вирусом стран-ным образом произошло по всему миру, как будто кто-то по команде открыл во всех странах двери в преисподнюю. От раздумий меня отвлекли ноги – кто-то стоял и перетапты-вался у ворот, нижняя часть которых сантиметров на трид-цать не была закрыта профилем, а просто зарешечена.

– Чего надо? – громко спросил я, подходя к воротам. Но уже известный мне запах и невнятное мычание, переходя-щее в сдавленный то ли писк, то ли шипение, заставили меня практически отпрыгнуть от ворот, а потом еще и попятить-ся...

– Фу, мля... – сказал вслух, чувствуя, как страх пробира-ется вдоль нервов, заполняя каждую клеточку.

Тот, кому принадлежали ноги, пару раз ткнулся в воро-та и снова издал это жуткое, сдавленное мычание. Вытащил из кармана «Осу», потом подумал и решил, что все же нет уверенности в ее убойности. Пошел в гараж, поискать что-то посущественнее молотка... и нашел. На полке лежали: пара ракеток для большого тенниса, пара больших детских мячей, какие-то детские же спасательные круги в виде дельфинчи-ков и уточек, туристический набор с посудой, решетки для барбекю и отличный топор! Какой-то «вражеский», но, су-дя по всему, ни разу не использованный по назначению, то

есть для рубки дров. Фибerglassовое обрезающее топориче сантиметров в семьдесят, сам топор на полкило – примерно внушали уважение, так скажем.

Подбрасывая топор в руках, примеряясь и думая, что впервые в жизни сейчас придется рубить им человека, я вышел из гаража... Но это НЕ человек, а одного «нечеловека» мне молотком уже удалось приласкать безо всяких душевных терзаний, а этим топориком будет явно удобнее.

– Вдоль дороги лес густой, с Бабами-Ягами, а в конце дороги той – плаха с топорами... – нервно напевая себе под нос, я подошел к воротам. Но тут кто-то закричал за воротами, причем явно мужик, но как-то «по-женски», и ноги, кстати, в кирзачах, развернувшись, потопали прочь от ворот. Открыл маленькую задвижку на калитке, за которой было зарешеченное отверстие диаметром в десять сантиметров, и которое позволяло осмотреть происходящее за воротами.

В сторону выезда из микрорайона убегал мужик с сумкой за плечом и орал благим матом, а зомби неспешно сначала пошел за ним, потом остановился, развернулся и, пошатываясь, побрел опять к воротам. У забора внутри были сложены какие-то доски и брус, заботливо накрытые рубероидом. Забравшись на них, я осмотрел забор снаружи в обе стороны, вроде никого, а то как раз, ага, выйду, а меня и сцапают... А что, вдруг они уже в стаи сбиваются? Но никого не обнаружил, кроме внимательно наблюдающего из окна второго этажа в коттедже напротив какого-то мужика... он снимал!

Этот мудак снимал на камеру. Ну, сейчас я тебе помогу, «Тарантино» хренов...

Выйдя за калитку, взялся поудобнее за топориче и принял стойку...

– Ну, подходи... тебя как звать? Ну, это, чтобы знать, за кого сто грамм накатить, – начал я почему-то кричать, но, видимо, так было легче бороться со страхом. Ко мне приближался, судя по всему, какой-то местный то ли дворник, а может, и строитель. Кирзовые сапоги, оранжевый комбинезон, вся грудь в кровище, на месте, где должен быть кадык – зияющая рваная дыра, и прилично обглоданное лицо, которое не сводило с меня взгляда единственного сохранившегося глаза. Он вдруг резко ускорился, но был все также неуклюж... Время замахнуться было, что я и сделал, отойдя резко в сторону, и что было сил опустил топор на голову зомби... Хрясь... Пришлось отпустить ручку, так как вытащить топор уже не получалось. Несколько раз вздрогнув, мертвяк застыл на грязном снегу. Я повернулся посмотреть на «Тарантино», тот был счастлив и показывал мне большой палец... толстый мудак. Показав ему в ответ средний палец, я вынул топор из разваленного черепа и хотел было уже возвращаться, как вдруг из проулка вырулил еще один, такой же, и потопал на меня, весьма резво, кстати...

– Мля, ты что, его брат-близнец? – приготовился я успокоить еще одного... Вроде не сложно.

Но не успел, со стороны дома Ильи примчались два кре-

пыща в форме какого-то ЧОПа и с дробовиками в руках, за ними не спеша шел сам Илья. Одним выстрелом мертвяку снесли голову, части которой смачно забрызгали забор Сашкиного дома.

– Я же сказал, звонил что бы, – буркнул Илья и пихнул ногой отработанного мной мертвяка.

– Да вроде справлялся, – ответил я, а сам посмотрел на окна детской, волнуясь, что выстрел напугал ребенка, но вроде тихо.

– У тебя оружия нет, что ли?

– Вот, – достал я из кармана «Осу».

– Ну, этим ты только сам сможешь застрелиться, хотя вряд ли, – Илья скептически посмотрел на моё оружие, потом повернулся к охраннику и забрал у него дробовик, – дай-ка и сбегай домой, принеси человеку нормально картечи, ну и там из сбруи у вас что лишнего.

Крепкий парень, ростом под два метра, крутанулся на месте и побежал выполнять приказание.

– Держи, – протянул мне Илья дробовик и покосился на топор, к которому прилипли волосы, куски костей и мозгов, – этим долго махать не сможешь в случае чего, просто устанешь.

– Ну да, – ответил я, принимая оружие, – с этим, конечно, сподручнее.

– Умеешь?

– Да, разберусь.

– Ладно, держись тут, – сказал Илья и пошел обратно к себе, когда «крепыш» вернулся и вручил мне тяжеленную сумку.

На поверхности дорогушей керамической электроплиты уже активно «зашкваривались» овощи, «выпрыгнувшие» в процессе кипения из борща.

– Твою мать! – я подскочил, сдвинул кастрюлю, и, схватив первое попавшееся полотенце, начал смахивать «шкварочки».

Справившись и открыв форточку проветриться, поднялся в детскую. Никита, свернувшись на кровати, спал, а мультик все еще шел. Сняв одеяло с кровати покойной сестры, я накрыл его, плавно убавил звук, а затем выключил телевизор. Пусть спит, я слышал, что сон хорошее лекарство от стресса.

Усевшись в кресле в гостиной, включил телевизор, звук убавил на минимум, поглазев пару минут, понял, что, в принципе, ничего нового, отличающегося от новостей в интернете, не сказали. Подтянул к себе ближе сумку, которую приволок мне «крепыш» и взял со стола дробовик. Пятисоковый «Моссберг» с пистолетной рукоятью и прикладом, как у американской же М4, то есть можно под себя его отрегулировать, что я сразу и сделал, вскидывая оружие и целясь в выключатель... Удобно, и не тяжелый, килограмма три с копейками. На прикладе пять пластиковых зажимов имеется для патронов... Что, кстати, с патронами? Отложил на журнальный столик дробовик и открыл сумку... Ну, от души,

как говориться, отсыпали – десять пачек «волчьей» картечи и пара пачек пулевых, итого три сотни – радуется, очень радуется. Так, чем еще одарили... Ага, разгрузочный жилет, стандартный такой ЧОПовский, черного цвета, с кучей непонятно для чего подсумков, но зато будет, куда боекомплект сложить... Еще какие-то подсумки на черном широком тактическом ремне... Все, спасибо «снегуркиному» папаше. Магазин дробовика был полон, то есть 8 патронов, и я просто воткнул в зажимы на прикладе еще пять с картечью. Так, по кармашкам жилета еще разложить, вот, теперь вообще спокойно стало. Прошёл в коридор, снял жилет и повесил на вешалку, а дробовик положил на полку, к шапкам...

Что-то Григорий задерживается... С этой мыслью достал телефон, который сообщил мне, что вот-вот выключится, если я его сейчас же не «подкормлю»... Интересно, сколько еще будет электричество подаваться? Сбежал к себе... о как, уже «к себе»... Сбежал, в общем, в комнату, извлёк из сумки зарядное устройство и, включив, присел на пол у стены с розеткой...

– Да... – нервно ответил Григорий.

– Говорить можешь?

– Давай, только быстро, дорога – дерьмо, объездными еду, так как забито все и мертвяки, сука, хороводы водят.

– Понятно... Нормально все?

– Да, почти добрался, через полчаса буду.

– Хорошо, подъедешь, не сигнал, просто набери.

– Понял, – ответил Григорий и отключился.

Полчаса просидел на полу, ожидая звонка и, глядя в подбитый евравагонкой потолок, дождался. Спустившись вниз, накинул жилет, взял дробовик, и, выйдя во двор, забрался на кучу стройматериалов. Увидев, что рядом с воротами никого, а перед воротами стоит старый универсал ГАЗ 2402, в котором находился Григорий, спрыгнул и нажал кнопку открывания ворот.

– Я смотрю тут тоже бродят, – не с первого раза закрыв дверь, и кивнув на убиенных мервяков сказал Григорий.

– Ага, – ответил я и включил привод ворот, – ну пойдем, вещей много?

– Пара сумок да два чехла ружейных.

Помог все занести и, дождавшись, когда Григорий разделется, спросил:

– Есть будешь?

– Да, не откажусь... и выпил бы.

– Это тоже имеется.

– Я смотрю, ружьишко нашел, хозяйское?

– Нет, подарок соседа... Какой-то не простой дядька тут рядом живет, бандит, похоже, или бизнесмен высокого полета, – ответил я, наливая борщ в тарелку.

– Один хрен, у нас все бизнесмены из бандитов, а большие бизнесмены из больших бандитов.

– Ну да, верно, – согласился я, – бывают, правда, исключения...

– Ага, бывают, но у таких обычно или заместитель, или помощник из бандитов, или кто-то из родственников... Но, раз ружьишком поделился, значит, не совсем пропащий.

– Угу, – кивнул я и поставил на стол тарелку, – где тут поблизости можно еду закупить?

– Ну, если мне память не изменяет, то тут у вас, в смысле в Ростошах, целый торговый центр есть.

– Хорошо, я еще по трассе от аэропорта видел строительный магазин большой... или хозяйственный.

– Да, есть такой, а там-то что?

– Канистр бы купить и запастись топливом, тут в котельной небольшой генератор есть, я, правда, не знаю, в каком он состоянии, но с виду новый.

– Думаешь, «фаза в землю уйдет»?

– А ты как думаешь?

– Не знаю, – пожал плечами Григорий, – есть, конечно, вероятность, что недолго сети протянут без obsługi.

– И я про это.

По лестнице затопали ножки Никиты, он спустился и остановился на входе в гостиную.

– Проснулся? Садись, борщика поешь, и вот, познакомься, это дядя Гриша, помнишь его?

Никита кивнул, прошел на кухню и деловито протянул руку Григорию.

– Привет, смотрю, молодцом держишься, как мужчина, – потряс Григорий ручонку Никиты.

Я налил в тарелку борща и, поставив усевшемуся за стол Никите, спросил:

– Не возражаешь, если дядя Гриша с нами будет?

– Н-нет, – уверенно ответил он, а потом добавил, – у него р-р-ружье есть.

– Молодцом! – снова похвалил его Григорий, – ружье сейчас один из самых важных предметов домашней утвари.

– Так вот, – поставил я чайник на плиту, – надо еще и продуктов набрать.

– Влад, ты извини, конечно, но у меня только пенсия... на карточке тысяч десять, да наличкой с собой около штуки.

– У меня есть деньги, должно хватить, только, как мне кажется, тратить их нужно быстрее, так как проку в них очень скоро не будет никакого.

– Согласен, – кивнул Григорий и отодвинул тарелку, – вот спасибо, первый раз за три дня жидкого да горячего поел.

Кушая и внимательно прислушиваясь к нашему разговору о деньгах, Никитка что-то соображал, изображая бровями и мимическими мышцами мыслительный процесс. Потом молча слез со стула, прошел в коридор и откатил тумбочку на колесиках, на которой стоял телефон. Выше плинтуса сантиметров на десять мы увидели дверцу небольшого сейфа, размером чуть больше стандартной книжки.

– Папкин, поди? – спросил я ребенка и присел у сейфа. Тот кивнул.

– Ну, так ключа же нет.

Никита взял меня за палец и снова повел наверх, привел в кладовку и показал пальцем на стеклянную дверь шкафа-купе.

– Там, – его пальчик указывал наверх.

Я открыл дверь и посмотрел на полки... Вроде я тут не видел никаких ключей.

– Тут, – Никитка уже стоял позади меня, дергал за рукав свитера и снова показывал наверх двери.

– Да где... А! Вот оно что, – увидел я приклеенный скотчем с внутренней стороны двери ключ, – ну, и хитрец твой папка.

Никита стоял с гордым видом.

– И ты весь в него... Ну, пойдем, – потрепал я его по волосам.

Опустившись на колени, я вытащил все из сейфа.

– А шалун твой папка, – Григорий подобрал с пола сверток с узнаваемым силуэтом, – газовый, под мелкашку переделан.

Кроме переделанного газового револьвера нашлась пачка патронов и переместилась на тумбочку, рядом с телефоном, туда же легла тонкая пачка евро, перетянутая резинкой, и пачка пятидесяти тысяч купюр в банковской упаковке, а также несколько прозрачных файлов с документами. Мельком су-нул в них нос – документы на автомобили и недвижимость, какие-то учредительные документы, из которых выяснилось, что Саша и Анна являлись соучредителями какой-то част-

ной клиники. Ладно, документы обратно положил, закрыл сейф и вернул на место тумбочку. Григорий снова взял револьвер, покрутил в руках и сказал:

– Что-то я бы не рискнул из него стрелять.

– Насколько я знал Сашу, он не любил оружие.

– Ну, не любить оружие можно по-разному, – улыбнулся Григорий, – этот эрзац-наган я тоже, можно сказать, уже не люблю. На.

Забрав револьвер, покрутил в руках, откинул барабан... Ствол гладкий, запрессованный, барабан самодельный на восемь патронов, которые были на своих местах, кстати.

– Ладно, испытаем, – сунул я револьвер под ремень за спину и прикрыл свитером, а патроны положил в один из кармашков ЧОПовской разгрузки, на которой, кстати, была кобура под ПМ на левой стороне, но я постеснялся что-то пристраивать туда револьвер.

Уселись пить чай, и я озвучил еще одну проблему:

– Ехать отовариваться одному, по меньшей мере, опасно, я думаю.

– Угу, – кивнул Григорий, жуя толстенный бутерброд.

– А ехать всем вместе – тоже плохая идея...

– Угу.

– Григорий Иванович, вот что ты «угу» да «угу»... предложения есть? О! У меня есть, – я достал телефон, – Никит, а если я договорюсь, чтобы с тобой человек посидел, пока мы будем ездить?

Никитка категорически отрицательно замотал головой.

– Ну, ты понимаешь, что там, куда мы поедem, могут быть эти... эм-м... Там опасно, в общем, может быть.

Никита вздохнул и сказал:

– Б-б-буду один т-тогда.

– Нет, малыш, одного я не смогу тебя оставить.

– Влад, неизвестно, как будет складываться все дальше, но вполне возможно, что его придется очень часто оставлять одного или прятать где-нибудь... так, может, попробуем? Парень-то вон какой самостоятельный, правда?

В ответ на эти слова Никитка смешно выпятил грудь и задрал подбородок.

– Хорошо, – вздохнул я, – идея мне не нравится, но да, делать нечего.

– Тогда поехали... на моей.

Выехав со двора, я все же набрал Илью и попросил при-смотреть за воротами, хотя бы издалека, на что он сказал, что проблем в этом нет, и он озадачит начальника охраны.

Припарковались с трудом у торгового центра, рядом с трехэтажной гостиницей, носящей одно и то же с поселком название. Людей много, как челноки снуют от магазина к машинам. В стороне ахнул выстрел, а люди, лишь посмотрев в сторону, откуда стреляли, даже не «почесались».

– О, Влад, да как бы мы не к самому «шапочному» разбору... – сказал Григорий, стянув на двустволку и дробовик, что лежали за нами на полу, накидку с сиденья.

– Пошли, магазин большой, может, еще не все раскупили.

Войдя в магазин, обнаружили небольшой стихийный митинг у одной из касс, но «митинговали» этак осторожно, так как у угрюмой охраны наблюдались дробовики «сайга». Причина стала понятна из разговоров покупателей – магазин не принимал к оплате карты, а охрана всех вежливо, пока еще вежливо, посылала в отделение сбербанка, что находилось неподалеку. Схватив по каталке, мы пошли по рядам.

– Твою мать! Ну, ладно я, старая больная обезьяна, но ты-то, – вдруг возмутился Григорий.

– Что такое?

– Ну, хотя бы список надо было накидать, а то будем сейчас круги нарезать по рядам и придумывать, что брать... У-у, тут, погляди, скоро пробки уже будут.

– Надо было, ну ничего... Пошли, в темпе, сначала крупы...

В общем, в темпе накидали в тележки крупы, коробки с чаем и рафинадом, соль. Я схватил целую упаковку супов в пакетах, которые никогда в жизни не ел бы, но, как говорится, смирился. Оставляя немалые для меня, да и для Григория, суммы наличности в кассе, мы несколько раз скатались к машине и обратно... Набили полный багажник и еще в салон накидали всякого.

– Вместительный пепелац, – сказал я, осматриваясь по сторонам.

– Ага, от отца остался... Я-то, когда в запас вышел, в кон-

тейнере себе «Эскудо» привез, но продал вскоре какому-то татарину... на пенсию-то особо не разгонишься, а и ремонт делать надо было, и бывшей помогать, все ж 17 лет вместе прожили, и дочку люблю... Приезжала в прошлом году, совсем невеста, – на последних словах у Григория немного блеснули глаза, но он отвернулся, вроде как осмотреться, и спросил, – ну что, все? Или еще что?

– Я там отдел видел «Спорт и туризм», а у меня с собой из одежды пара джинсов, зимние полуботинки, свитер, пара рубаш да нижнее белье на смену.

– Кстати, да, – согласился Григорий, – идем, не помешает присмотреть одежду поудобней.

Снова набили две тележки шмотками и обувью, заодно и на Никитку кое-что удалось подобрать, обуви для него взял три пары, не смог вспомнить, какой размер, да и откуда – на его ножки что-то внимания не обращал. Но, так как отдел объявлялся «для семейного отдыха», кое-что удалось найти. Еще приобрели несколько фонарей, батареек и каких-то «уоки-токи» восьмиканальных «мотороловских», по две в упаковке – взяли аж три таких, и даже с гарнитурой простенькой.

Когда рассчитывался в кассе, поймал на себе неприятный взгляд какого-то великовозрастного гопника, на вид лет тридцати, руки синие от наколок, картуз, трико и остроносые туфли – классика. Барсетки только не было, видно, вышел сей атрибут из гопниковской моды... А вот характерно

оттопыренную под мышкой толстовку я не пропустил. Рассчитались, покатали к выходу, я остановился, вроде как поправляю товар на тележке, а сам в витрину отдела продажи сотовых телефонов смотрю. Точно, нас «приняли» – рядом с гопником нарисовался второй, помоложе, а великовозрастный с кем-то эмоционально по сотовому разговаривает.

– Это что за театр? – спросил Григорий, не понимая моего поведения.

– Иваныч, похоже, нас хотят немного ограбить, – сказал я, когда мы покатали тележки дальше.

– А грабилка отросла?

– Ну, вот не знаю, но ствол у одного из них точно есть.

– Уверен?

– Не на сто процентов, конечно, может, он и бутылку под толстовкой припрятал.

– Забей... Пошли разгружаться.

Закинув все снова в салон, я аккуратно переложил ружья поверх коробок и пакетов и снова прикрыл накидкой. Сели в машину, Иваныч начал осторожно сдавать назад. Никого в поле зрения не было, но буквально через секунду – бах! Крашенная в дикий синий цвет чуть ли не кисточкой девятка с разгона влетела нам в задний бампер.

– Ну что за урод! Специально же въехал, подставиться, – с досадой стукнул по баранке Иваныч.

– А ты говоришь, забей, – вздохнул я и хотел было выйти, но боковое стекло разлетелось «граненым стаканом», заста-

вив меня зажмуриться, я только мелькнувшую тень заметил.

Бум! – трещинами пошло лобовое стекло.

– А ну вылазь, пенсионеры! – прокричал кто-то сбоку.

Нащупав револьвер за спиной, я быстро осмотрелся и выстрелил два раза через окно в живот одному из уродов, что стоял с моей стороны и снова замахнулся для удара по лобовому стеклу битой. Быстро выскочил на свежий воздух и потянул из-за сиденья «моссберг»... Не думал, что досылание патрона на помповике производит такое впечатление, а может, это ствол двенадцатого калибра, направленный практически в упор, так подействовал на наших оппонентов.

– Ты, в кепке, руки на крышу и не дергайся, – сказал я, обходя машину, быстро бросив взгляд на корчащегося на земле любителя бейсбола, – плохо слышишь, урод?

Не то, чтобы они растерялись, просто, наверное, не ожидали такого вот «конца». Иваныч нехило так приложил в нос одному пятящемуся молодому, а потом подошел к великовозрастному, задрал толстовку...

– Слушай, а ведь и правда, пузырь спер, – помахал Григорий бутылкой «Немирова», а потом, положив пятерню на затылок, смачно приложил «кепку» о крышу машины.

Я оглянулся... Да уж, а ведь всем фиолетово... окружающие лишь немного изменили траекторию движения. От выхода из магазина к нам спешили двое охранников.

– Мужики, вам бы не только в магазине стоять, но и снаружи присматривали бы, – сказал Иваныч и закинул бутылку

в салон, – всех покупателей они вам отдают.

Подойдя, один из охранников, по-видимому, узнав «контингент», хмыкнул и сказал:

– Ну, разобрались же сами.

– Ага, – недовольно буркнул Иваныч.

С боку закричала какая-то женщина, я повернулся на крик и увидел, как «бейсболист» поднимается с грязного снега уже «нечеловеком».

Люди начали разбегаться, «кепка», воспользовавшись моментом, тоже «разбежался», стартанул так, словно являлся мастером спорта по бегу на короткие дистанции.

Пах! – хлопнул выстрел, и восставший снова рухнул, теперь уже окончательно мертвый.

– В голову надо, – сказал непонятно откуда взявшийся парень в кожаной куртке и в серых штанах с тонкими красными лампасами, убирая ПМ в оперативную кобуру.

– Да в курсе уже, – ответил я.

– А чего ждал?

– Вообще-то не думал, что от мелкашки такая скорая кончина наступит, – глядя на обстановку вокруг, мне стало как-то даже все равно, что передо мной стоит, скорее всего, милиционер.

– Удачно попал, значит, – ответил тот, и, повернувшись, пошел к старенькому «опелю-универсалу».

Единственного оставшегося гопника охранники заставили пинками подняться и перекантовать своего два раза умер-

шего друга в «девятку».

– Хорошо, что Никитку с собой не взяли, – сказал я, когда мы отъехали с парковки и покатали по дороге вдоль забора гостиницы.

– Да, – согласился Иваныч, припав к рулю, ехать со стеклом, покрывшимся «паутиной», не очень приятно, – вот что за уроды, мля... И как теперь быть с машиной? Как ездить-то?

– Ага, и таких уродов, и вовсе не с бутылкой под толстовкой, скоро станет в разы больше... Да и свободные машины, думаю, скоро будут, скажем, в «ассортименте».

– Понятное дело...

Въехали на улицу микрорайона – по обочинам текут ручьи грязной талой воды, а под колесами коричневое месиво вынуждает Иваныча материться. Солнце шпарит вовсю... У ворот Сашкиного дома обнаружили черный микроавтобус «форд» с тонированными стеклами и надписью на борту «Охранное предприятие С.В.А.Т», я даже улыбнулся такому названию – вроде и круто, вроде как по аналогии с американским полицейским спецназом, но в тоже время и по-русски, коротко и ясно. И что-то мне подсказывает, что «Сват» – это кликуха какого-нибудь местного авторитета. Когда мы подъехали к воротам, боковая дверь открылась, и из форда вылез уже знакомый мне «крепыш», утопив на полберца обувь в грязном снегу.

– Не понял, – спросил он, наклонившись и облокотившись

на крышу, – а что с машиной-то?

– Да вот, напоролись на уродов... в кепках.

– Наказали хоть?

– Да.

– Ну, что, мы на базу?

– Эм... – задумался я, – Нам бы еще в одно место сгонять.

– Да не вопрос, давай только позже, что-то жрать охота.

– Договорились, мы тоже перекусим.

– Ну, ты шефу тогда не звони, не надо беспокоить, мой телефон запиши.

– Да связь ни к черту, – сказал еще один вышедший ЧО-Повец, – у вас радиостанции есть?

– Есть, но с вашими они «дружить» не будут.

Второй полез в «форд», и вернулся с рацией.

– Только попользоваться даю, до вечера.

– Хорошо, кого вызывать?

– Мишу большого, «соседом» опознаешься.

– Понял, – ответил я и, открыв ключом калитку, включил привод ворот.

Пока мы перетаскивали все в гостиную и укладывали вдоль стен, Никита прохаживался меж коробок с важным видом и с пластмассовым автоматом в руках – заступил на пост. Закончили, Григорий принялся чистить картошку, а я переоделся в обновки – теплые спортивные штаны и толстовку, вот, гораздо уютнее теперь.

– Слушай, получается, этот гопник уже заражен виру-

сом? – спросил я Иваныча.

– Получается так, – пожал плечами Григорий, сидя на стуле у раковины, поставив ведро между ног и тонко так счищая кожуру с картошки, – у меня вообще есть подозрение, что заражены все.

– С чего ты взял?

– Ну, это так, предположение.

– То есть, если я умру, то тоже восстану из мертвых? – тихо сказал я, подходя к нему.

– Не знаю... Проверять не будем. Компьютер тут есть?

– Да.

– Ну, глянь, что там плохого.

Присев в кресло у журнального столика, «разбудил» ноутбук, а через двадцать минут закрыл...

– Все плохо.

– Не удивлен, – Иваныч поставил вариться картошку, – а что именно?

– Как снежный ком расползается зараза эта. Ты когда добирался сюда, много этих мертвяков-шатунов было на улицах?

– Попадались... Но люди убегали от них легко.

– А в той же Москве уже сменилась практически популяция, с живых на мертвых.

– Паршиво... Что делать будем?

– Пока посидим тут несколько дней, посмотрим за развитием ситуации... Пойду, кстати, за блокнотом поднимусь, да

напарнику по смене позвоню.

– Думаешь, где-то по-другому?

– Вот и узнаю, что на Дальнем Востоке твориться из первых уст... Не понравился мне заголовок в сети – «Владивосток пал».

– Ну, если Москва пала, то Владивостоку сам зомбячий бог велел.

Поднялся в комнату, достал из сумки блокнот и, прежде чем выходить, задержался у окна и посмотрел на окна соседнего коттеджа... Ни хрена себе обед! В большом окне первого этажа была видна кухня соседнего дома, на полу которой не спеша, с чувством, толком и расстановкой, двое – мужчина и женщина, поедали кого-то третьего... или третью, не получалось разглядеть.

– Никита, как служба? – спросил я у мальчика, когда быстро сбежал по лестнице вниз.

Он в ответ кивнул и с важным видом снова зашагал по гостиной... Ну, пусть «служит».

– Иваныч, пошли со мной.

Григорий с минуту наблюдал картину из окна моей комнаты, потом быстро вышел и вернулся с одним из своих оружейных чехлов. Кинул его на кровать, расстегнул и достал «Вепря», набил пятизарядный магазин патронами из упаковки с надписью «.223 Rem», затем из кармашка чехла извлёк оптический прицел...

– Патронов жаль, всего две пачки, – прокомментировал

он, – и то одна начатая.

Открыв окно, Иваныч прицелился...

– Бляха, молодые совсем, – с досадой произнес он и выстрелил.

Завалить удалось только одного мертвяка – коротко стриженного парня, девушка, точнее то, что раньше было девушкой, сразу как-то шустро переместилось из поля зрения на четвереньках.

– Того, кого они ели, тоже «проконтролируй».

– Нет смысла, – ответил Иваныч, – хорошо видно, что у него голова проломлена.

– А мертвячку эту видно?

– Нет... вот она, шустрая! Как макака скакнула из комнаты.

– Вон! – выставил я руку из окна.

Зомби была едва заметна, выглядывая из-за шторы соседнего с кухней окна, и смотрела на нас.

Бах! – снова выстрелил Иваныч и через секунду сказал:

– Вроде попал.

– Надо проверить этот дом.

– Нахрена?

– Не хочу соседей-зомби... А вдруг там еще кто остался?

– Ладно, потом проверим, вечером, а сейчас поедим, затем в хозяйственный магазин и на заправку.

– Хорошо, – ответил я, посмотрев на открытую пачку с чешскими патронами, и спросил, – слушай, а охотничьи ма-

газины есть неподалеку?

– Думаешь, они работают?

– Ну, не знаю... А патронов прикупить не помешало бы.

– Согласен, ладно, придумаем что-нибудь. Есть в относительной близости один магазин.

Закрыв окно и развернувшись, обнаружили в дверном проеме Никитку.

– Л-людоед? – спросил он, крепко сжимая в руках свой игрушечный автомат.

– Да, – сказал я ему правду, – соседи тоже превратились... Но Григорий Иванович с ними справился. Идемте, обедать пора.

Дозвониться на Дальний Восток сразу не получилось – то извинялись и говорили, что линия перегружена, то просто сбрасывалось соединение, наконец-то после пятого набора пошел гудок...

– Да! Слушаю... – ответил Игорь, мой напарник и друг, а я включил телефон на громкую связь.

– У вас тоже? – сразу не стал я тянуть кота за причинное место.

– У нас еще не так, городок маленький, справляемся... Владик все, умер, там вояки только кое-как по своим частям сидят, но и то, не всегда удачно. Ребята рассказывали, что на шестом километре сделали что-то вроде лагеря спасения... ну и что ты думаешь? Ночью какой-то укушенный преставился, потом тихо перегрыз глотку соседу по койке, и пошло

поехало... За ночь почти весь лагерь в мертвое царство за забором превратился...

– А у нас в городке?

– Шарахаются, но уже меньше, отстреливают... И заваруха была сначала с ментами, а сейчас вроде тихо относительно.

– По поводу чего заваруха?

– Так им же, как только все началось, указивка пришла – стволы у населения собрать.

– И?

– Да хрен по всей морде! Какой нормальный отдаст ствол, если уже нельзя было по улицам передвигаться, потому как один-два ходячих трупа за тобой увяжутся обязательно.

– Так милиция все же порядок поддерживает?

– Какой там! Отдел нараспашку с утра, а в дежурке два мертвяка на стекло кидаются. Шоу наблюдал, как их пристрелили, а потом за их стволы и ментовскую оружейку да-вёжка была.

– А ты?

– А что я? Я внутри периметра, на объекте сижу, и нас тут вся смена с семьями...

Разговор оборвался, попытался еще раз набрать – бесполезно.

– И живые позавидуют мертвым... – вздохнул Григорий.

Пообедав, связались с «крепышом» и компанией и, когда их «форд» снова подрулил к воротам, мы, прихватив из Саш-

киного гаража две канистры, плюс еще и у Иванаыча с собой была одна, отправились в хозяйственный супермаркет, что был на трассе между аэропортом и Ростошами.

– Глянь, какие, – сбавил скорость Иваныч и кивнул на открытые ворота одного из домов, уже на выезде из поселка.

– Да уж... и машина что надо.

За воротами стоял УАЗ «Хантер», а в него таскали баулы и коробки два дюжих молодца, сродни «крепышу», одежда, как говориться, «милитаристайл». У одного за спиной, похоже, 12-ый «молот», а у другого если не боевой АК, то уж «Сайга-МК» точно. Они как-то нехорошо на нас посмотрели, и Иваныч, прибавив скорость, сказал:

– Интересно, а что за машина в гараже наших соседей?

– Не знаю, надо будет проверить... Стой!

Иваныч резко утопил педали сцепления и тормоза, а затем выбил скорость...

– Ты чего?

– Мертвяк... нет, двое.

В проулке, у черного входа одного из коттеджей стояли двое, «грустили». Один в спортивных штанах, залитой кровью футболке и одном тапке на босу ногу, а второй, точнее, вторая, в куртке с надписью «Почта России» и, как в том стихотворении, с толстой сумкой на ремне.

– Точно. Надо валить их, а то вдруг кого из прохожих съедят, – сказал Иваныч и хрустнул ручником.

До мертвяков метров двадцать пять, они нас заметили

и заковыляли в нашу сторону. Я с «Моссбергом» обошел «Волгу» и встал рядом с Иванычем, который, уже целясь из ИЖа, сказал:

- Твой левый, мой правый, и пусть поближе подойдут.
- Хорошо, – кивнул я и тоже вскинул дробовик.
- Вы чего удумали? – прокричал один из парней, что грузили «Хантера» и направился к нам, снимая «вепря» с плеча.
- Осторожно, мертвяки! – крикнул я ему.

Он развернулся в проулок, и, увидев приближающихся мертвяков, быстро попятился назад, тоже вскинув оружие и сразу выстрелив, отчего один из мертвяков «раскинул мозгами» и рухнул, во второго выстрелил Иваныч.

– А вы там ворота раскрыли и ушами хлопаєте, они же ходят тихо, подойдет сзади и ням-ням, – сказал Иваныч парню с «вепрем», убирая двустволку в машину.

– Так не было их тут вроде.

– Здрасьте, приехали, не было, – сказал я, – с утра одного топориком уже успокаивал у ворот.

Прибежал второй здоровяк с МК-ашкой в руках.

– Что тут?

– Вон, – кивнул я на убиенных мертвяков, – уже шарахаются тут.

– Паш, я же говорю, надо торопиться и валить уже, – сказал один из парней своему другу.

– А куда, если не секрет? – поинтересовался Григорий.

– Подальше, куда глаза глядят.

– Тоже вариант, – согласно кивнул Иваныч, и мы сели в машину.

Сразу за поселком, не доезжая до Нежинского шоссе, завернули на АЗС. Стояла единственная машина – темная «BMW-пятерка» с разбитой решеткой радиатора и оптикой, двери и капот открыты, и два парня копошатся рядом. Иваныч притормозил напротив.

– Ребят, бензин-то наливают?

– Наливают, пока есть, только цену ломают... О, мужики, а есть бокорезы или пассатижи? А если еще изоленга есть...

– Есть, – вздохнул Григорий, – Влад, в бардачке возьми.

Я открыл бардачок, взял там пассатижи с изоленгой и протянул в окно.

– Держи...

– Вот спасибо, а то проводку тут надо починить, да хоть одну фару подключить.

– Только после ДТП?

– Да, на посту ГАИ вояки БТР поставили, мы едем, а ему присралось переехать на другое место. И нихера им не предъявишь.

– А чего они там с БТР-ом?

– Гаишников усиливают, всех проверяют выезжающих, укушенных сразу выводят и...

– Ого!

– Да... злые там все, задерганные, проверяют только тех, кто из города едет, а в город – пожалуйста, на свой страх и

риск.

– Ну-ка включи, – сказал один из парней другому.
Тот нырнул в салон, а потом загорелась одна фара.

– Ну, хоть так, спасибо, – вернул нам инструмент парень, что покрепче, потом они сели в машину и поехали в сторону города.

– Что-то мне уже не хочется мимо этого поста ГАИ ехать.

– Угу... – кивнул Иваныч, – О! Тут после развязки, с южной стороны трассы, есть небольшой торговый комплекс, там и продуктовый, и хозяйственный, и даже аптека есть.

– Тогда туда поехали, нечего гусей дразнить.

Съехали с развязки и остановились на парковке у магазина с говорящим названием «Клондайк».

– Что-то и птицы притихли, – вспомнил я фразу из фильма «ДМБ», глядя на несколько машин и констатируя полное отсутствие людей.

– Ага, не нравится мне тут что-то.

Первого мертвяка заметили пару минут спустя, он словно вышел посмотреть «а кто это там» из-за дальнего угла магазина. В синем комбинезоне-спецовке и красной бейсболке, то ли грузчик местный, то ли забрел сюда откуда-то... Он постоял несколько секунд, вроде осматриваясь. Мы замерли, смотрим, ну, и он стоит.

– И что делаем? – спросил Григорий.

– Как говорят в медицине – санируем. В магазин-то надо попасть.

– Ну, выходим тогда и санируем, – ответил Иваныч, поставил машину на ручник и не стал глушить двигатель, сказав, – еще не известно, что с хозяевами этих машин, которые на парковке, у «газели» вон двери нараспашку.

С первого раза что-то не попал, контейнер, похоже, не успел раскрыться, и вся куча картечи пролетела справа от головы мертвяка и разворотила сайдинг на углу магазина. Со второй попытки все же получилось его успокоить. Опуская дробовик, заметил, что по дороге вдоль парковки топает еще один.

– Иваныч...

– Вижу, – ответил он, – пусть поближе подойдет.

Мертвяк заметно ускорился, Иваныч выстрелил и тоже не попал.

– Мать! Да что ж он как по палубе... туда-сюда...

Действительно – движения, походка и вообще поведение этих тварей совершенно непредсказуемо, но не у всех. К примеру, та «почтальонка» очень была, так скажем, целеустремленна и достаточна быстра. Этот же и раскачивается из стороны в сторону, и останавливается, будто задумывается о чем-то... Интересно, они вообще думают? Наверное, да, но скорее всего, только о еде.

– Ну что, не видно больше? – спросил Иваныч, переломив стволы, эжектор выплюнул гильзы, и Иваныч, потянув из патронташа пару патронов, зарядил ружье.

– Вроде нет...

Причина, по которой мы не смогли «познакомиться» с остальными владельцами автотранспорта, что стоял на парковке, стала очевидна, как только мы подошли, озираясь по сторонам, к двери магазина. Картина, увиденная нами, заставила, вздрогнув, отшатнуться, а Иваныч весьма забористо выматерился.

– Это кто-то так пошутил, что ли?

Немного раскачивая двери из толстого стекла, ручки которой были связаны оранжевой буксировочной стропой, на нас смотрели глаза, наверное, дюжины зомби разной степени объединенности и обкусанности, но все они были уже «нелюдьми». Разбираться и выяснять, что тут произошло, не было ни малейшего желания.

– Иваныч, ну его... Идем, постоишь у машины, а я к хозяйственному...

– Ага, – согласно кивнул он, и, попятившись, мы спустились со ступенек, – как же страшно-то, мать его...

– И чувствуешь запах?

– Ну.

– Вот это они так воняют.

– Ну их, пошли.

Дверь в хозяйственный была открыта, но, прежде чем заходить, я посмотрел сквозь надписи на стеклянной витрине внутрь. Прилавки, стеллажи... вроде никого. Вошел, огляделся и непроизвольно принюхался, кроме запаха бытовой химии и какой-то резины больше ничего не уловил. Четыре

двадцатилитровых канистры обнаружил сразу, через ручки была продета веревка – от честных воров. С силой рванул эту веревку, связал ее концы и побежал на выход. Надо бы ремень все-таки на дробовик придумать, то ли вот эту же веревку.

– Ну, что там? – спросил Иваныч.

– Никого, – ответил я, забрасывая «бусы» из канистр в салон, – сейчас еще сбегаю.

Вернувшись в магазин, я вытряхнул бумажный мешок, в котором у кассы стоял «букет» из разного вида веников, и в отделе инструментов бросил в него неплохую фомку, болторез, туда же полетели мотки веревки, все батарейки, что были на кассе, несколько фонариков, упаковку изолянта, строительные перчатки, пару оранжевых комбинезонов (сам не знаю, зачем взял) и толстых резиновых перчаток. Затем, зажав под мышкой дробовик вместе с парой рулонов садовой пленки, побежал опять к машине.

– Уф... что-то забегался, – опустил я на очищенную от снега площадку добычу и осмотрелся, – Иваныч, а ты машину поменять не хочешь?

– Чего?

– Машину, может, махнем, говорю.

– Эм-м... – задумался Григорий, а потом по-хозяйски так осмотрел парковку, – а ключи? Они же у этих... ну, что в продуктовом заперты, а еще сигнализация...

– Вот эта «Нива», думаешь, на сигналке? – показал я ру-

кой на впервые увиденную мной такую модель с надписью «Сантехмастер» и номером телефона на кузове, – вроде рабочая лошадка.

– Это не «Нива», это ВИС 2346, ну, то есть на ее базе пикап вроде кастрированный.

– Я гляну...

Дверь открыта, на пассажирском сиденье недоеденный бутерброд, причем, не доели его уже сутки как, похоже. Красная бейсболка тоже с надписью «Сантехмастер»... Стоп! Заметная такая бейсболка. Я пошел к убиенному мной мертвяку, точно, так и есть, и бейсболка вот такая же валяется. Присел, морщась от смрада, и полез по карманам... Есть! Вернулся с ключами и попытался завести машину – хрен. Выключил фары, поняв причину проблемы. Потратил примерно десять минут времени на то, чтобы поменять аккумулятор, позаимствовав его у стоявшего рядом минивэна, в котором я варварски разбил стекло и из салона открыл капот. Потом, пока Иваныч охранял и оборонял, я перекидал все в салон на задние сиденья, кроме канистр – их в кузов, где обнаружил несколько витков метапола и два инструментальных ящика. За все время по дороге мимо магазина проехала лишь одна машина – какой-то совсем маленький хетчбэк с багажником на крыше, заваленным тюками, и с кучей народа в салоне, разместившегося как селедки в банке. Да и по развязке всего пара машин проехала, причем одна из них – зеленый военный КАМАЗ.

– Ну что, переедем к аптеке, и я там еще гляну?

– Хорошо, и давай убираться отсюда уже, – ответил Иваныч.

Аптека оказалась закрыта, причем наглухо – были опущены металлические жалюзи и на двери, и на окнах.

– Тогда к заправке и домой, – сказал я и... шибанул левой рукой в дверь.

– Привыкай, – ухмыльнулся Иваныч, – «кочерга» теперь справа от тебя.

– Угу, – матюгнулся я и включил передачу.

На заправке из персонала был только двадцатилетний парень, который «в мирное» время стоял «на шланге». А теперь он был счастлив... Кассир на работу не вышел, напарник тоже, и он теперь одинолично, задрав цену в два, а то и в три раза, отпускает топливо желающим, которых подозрительно мало.

– Ну что, король бензоколонки, отоваришь? – спросил его Иваныч, опустив стекло.

Парень со скучающим видом кивнул и сказал:

– Три цены... распоряжение администрации.

– Хорошо, – кивнул Иваныч.

Оставив несколько купюр по сто евро на заправке, мы залили семь канистр и полный бак и поехали к дому.

– Хороша обновка, – порадовался за нас «крепыш».

– Да, удачно съездили.

– Шеф просил передать, что мы завтра все уезжаем.

– Далеко?

– У него подвязки серьезные, так что завтра в аэропорт, и всем кагалом отбываем.

– А работает аэропорт разве?

– Пугачи-2 работает, пока еще... военным бортом полетим, шеф договорился.

– Далеко?

– Не очень, ребята говорят, куда-то на север Тверской области, там у шефа партнер по бизнесу неплохо окопался... И нам вроде работу и жилье там же обещали.

– Понятно.

– И это, завтра зайди к шефу к восьми... попрощаться вроде хотел.

– О как, хорошо, зайду.

ЧОПовцев отпустили и загнали машину во двор. В кухонном окне я заметил Никиту, увидев нас, он помахал рукой, а потом выбежал на улицу.

– Никит, зайди в дом, простынешь, – сказал я ему, – мы сейчас разгрузимся и придем. Будем ужинать.

После ужина пришлось уделить внимание ребенку и читать ему книжку про «мумитролей из муммидален», правда, недолго. Уснул он быстро в своей кровати, и я, оставив включенным ночник, прикрыл дверь в комнату и спустился.

– Ты опять есть собрался? – улыбнувшись, спросил я Иваныча, обнаружив его снова суетсящимся на кухне.

– Это не еда, это закуска... Сколько можно уже всухую, –

на полном серьезе выразил возмущение он, – достань «перцовку» трофейную из холодильника, и где тут у твоего покойного друга рюмки-то?

– Да, согласен, – ответил я, выставив на стол бутылку, – выпить не помешает... Да и помянуть весь этот мир, летящий в тартарары.

Глава вторая

22 марта. Вечер.

Иваныч вроде и не сильно так приложился к «перцовке», и – то ли стресс, то ли устал просто, но опрокинув в себя четыре раза по половине чайной кружки (рюмки так и не нашли), он уснул в кресле подле телевизора с пультом в руках. Посмотрел на него – вполне такая мирная картина, обыватель дома после трудового дня смотрит фильм ужасов. Но время вовсе не мирное, и по телевизору показывают не очередную экранизацию Ричарда Мэтсона, а самую настоящую хронику гибели мира.

Москва... много пожаров, брошенные в замерших пробках машины. Мелькают и сменяются картинки, а сюжет один – нежить пожирает все живое, и в крупных городах всего мира зомби быстро сменяют живых. Кто-то сопротивляется, и образуются даже целые кварталы-крепости, дома-крепости... Кто-то, почувствовав отсутствие какой-либо власти и законности, ведет себя еще хуже, чем нежить. Оренбургу относительно повезло, если можно так сказать, и у него была фора приблизительно в сутки из-за не такой уж высокой плотности населения. В деревнях, надеюсь, еще лучше дела обстоят, хотя сколько их осталось, тех деревень? Урбанизация ссаными тряпками загнала народ в города, и теперь кем-то придуманная мышеловка захлопнулась.

Я подошел и поднял с коврового покрытия пульт, который выпал из расслабленной руки спящего Григория, и выключил телевизор. Да уж... кому же это понадобилось, а главное – зачем? Почувствовать себя Богом? И? Дальше-то что? Наверное, в конце концов, найдутся ответы на эти вопросы, а пока поживем тут немного, осмотримся. Возможно, придёт в голову верное решение, а ехать, как те ребята на УАЗе, куда глаза глядят – что-то не нет желания. Посмотрел на часы – почти полночь, ну вот и второй день отпуска закончился, приехал, блин, как верно подметил Илья, в гости к мертвым. Нет, приехал, конечно, к еще живым, но я даже представить не в силах, сколько людей за сутки превратились в вечно голодных мертвых скитальцев. С этой мыслью подошел к столу и плеснул несколько «бульков» в чашку... выпил, закусил добрым куском балыка... И кстати! Если этот Илья собрался отчалить, то возможно, стоит перебазироваться в его дом, теремок у него серьезный. Вот, завтра буду прощаться и намекну ему.

Зевнул так, что чуть челюсть не вывихнул. Нет, так не пойдет... Включил плиту – решил кофе сварить, так как мне охранять покой дома до четырех утра – так с Григорием договорились. Осмотрел нашу «мышиную нору» – нормально натащали, на первое время хватит, а там придумаем что-нибудь. Проверил входную дверь – закрыта. Достал с верхней полки вешалки дробовик, пояс с подсумками повесил на плечо и поднялся к себе, оттуда и из ванной комнаты

хороший обзор. Дробовик на тумбочку у кровати, Сашкин револьвер-переделку туда же... презрительно посмотрел на кровать. Нет! Не дождешься! Ладно, пойду, умоюсь в ванной, да и кипяток на кофе, поди, поспел. После умывания несколько приободрился, а отпив половину большой кружки кофе, стало вообще хорошо, вот теперь можно и наверх, на пост... Только вот бинокль раскопаю в спортивно-туристическом бауле. Бинокль, кстати, неплохой попался, по-честному «Made in China» написано, но выглядит крепким, регулируемая кратность от 7 до 20. Купили таких два и еще один прибор ночного видения от знаменитой фирмы «по паше», и, если в магазине не обманули, то вполне достойный прибор за свои деньги получили, а отдали за него, к слову, десять тысяч.

Сижу, поглядываю на крадущиеся прозрачные облака на фоне растущей луны и звездного неба. Свет в кухне соседнего коттеджа, где мы с Иванычем прервали трапезу мертвяков, так и горел, и я невольно туда поглядывал – мерзкое зрелище. Тела упокоенных вроде больше никто не глодал, так что буду надеяться, что там никого больше нет, хотел ведь проверить, ну да будет еще возможность. Открыл окно, вдохнул... а ведь весной пахнет, рановато, конечно, но все к тому идет. На улице держатся, сколько здесь нахожусь, стойкие +5 градусов, по дорогам просто реки грязи текут.

Где-то на окраине поселка кто-то истошно закричал, крик длился примерно минуту, а потом затих. Периодически слы-

шались выстрелы, а вот сирен и «крякалок» больше не слышно, что о многом говорит... В частности, о том, что уже никто никого защищать и спасать не собирается. «Мама – анархия, папа – стакан портвейна», – пришла на ум старая песня... Так и сидел, напевая ее и отхлебывая кофе, и посматривал на окрестности в ПНВ, как оказалось, действительно неплохой – высокое разрешение, хороший контраст и отсутствие искажений изображения по краю поля зрения.

23 марта. Перед рассветом.

Тварь я заметил на трехуровневой крыше коттеджа Ильи, когда в очередной раз перешел в ванную для наблюдения за дорогой. Она или оно меня напугало своим видом так, что я электровеником пронесся по дому и всюду выключил свет, оставив гореть лишь одинокий софит на лестнице. Вернулся в ванную, еще раз внимательно присмотрелся к этому гостю из ада – в обрывках одежды, череп, как у неандертальца на длинной шее, длинные жилистые руки... Или нет, это уже больше на лапы похоже. Тварь медленно кралась по коньку крыши, потом застыла, повернулась назад и, когда из тени ендовы появилась еще одна – больше размером, как мне показалось, я выхватил телефон и набрал номер Ильи.

– Внимательно, – ответил сонный голос.

– Илья, поднимай весь дом, охрану свою... У тебя на крыше две твари. Здоровые, – я говорил быстро, а сам продолжал наблюдать в прибор ночного видения, – и, похоже, они

пришли ужинать.

– Понял, спасибо, – ответил Илья и отключился.

По периметру забора и на остальной территории участка Ильи включилось дополнительное освещение, а я спустился и растолкал Григория.

– Что? – протер он глаза и сел в кресле, – Ты чего свет потушил?

– Ильею и его домочадцами пришли ужинать.

– Да ладно! Зомби?

– Нет, я думаю, это какая-то производная от них, мутанты, может, какие.

А тем временем со стороны дома Ильи началась интенсивная стрельба.

– Это у него?

– Ага. Бери «вепря» и наверх пошли.

Григорий схватил зачехленное оружие, что стояло в углу гостиной. Мы поднялись наверх и зашли в ванную.

– Так, – припал я снова к биноклю, – где же они...

– А сколько их?

– Я двоих видел.

– Ну-ка, подвинься, – Григорий подкатил пластиковую емкость для грязного белья под небольшое окошко, высунул в него ствол и поставил ногу на ящик, – вот так удобно... ох, ты ж!

– Чего?

– Да хрень какая-то с гаража сиганула на охранника, по

ней стрелять начали, а она обратно на гараж, распласталась и затаилась.

– Так стреляй!

– Не торопи, я же не снайпер, так, баловался оптикой.

– Да тут метров сто двадцать, для этого не нужно быть снайпером!

– Тихо... – Григорий выдохнул, замер... Бах!

– Что? – спросил я, а потом махнул рукой и, привстав на носки, попытался разглядеть творящееся во дворе у Ильи в бинокль.

– Попал, точно попал, – сказал Григорий, – только оно сползло по стене гаража и вдоль забора убежало.

– За беседкой, видишь?

– Точно, вижу, – Григорий чуть повел стволом, снова замер... Бах!

– Вот теперь точно попал, в шею вроде... Ага, вон его как повело.

– А целил в голову! Но оно чует, что ли... Р-раз! И башку отвернуло.

– Давай, давай, давай! – начал «болеть» я за охранника, что приближался и палил из «сайги» по твари, которая после попадания в шею потеряла резвость и как-то боком пыталась отползти в тень. Похоже, Иваныч перебил ей шейные позвонки. И тут, буквально в два прыжка, из-за бани или летнего домика выскочила вторая тварь, сбила с ног стреляющего по ее товарке ЧОПовца, покувыркалась с ним и снова

в несколько прыжков забралась сначала на балкон, а потом на крышу.

Стрельба прекратилась, и пару минут стояла тишина. Я наблюдал как «крепыш», а его трудно не узнать, аккуратно пробираясь вдоль забора и посматривая наверх, добрался до товарища, а тот уже медленно поднимался и неуверенно, шатающейся походкой пошел на «крепыша». И тут снова появилась эта тварь, «крепыш» ее засек и успел несколько раз выстрелить, до того, как она придавила его своей тушей и замерла.

– Григорий Иванович, вали поднявшихся, – разволновался я не на шутку.

– Спокойно, Влад, – ответил он, посмотрев на меня, и прицел к прицелу, заметно нервничая.

Бах! – обратившегося в мертвяка охранника как будто дернули резко за голову, и он упал. Затем в мертвой зоне двора, то есть в той части, которая была скрыта от нас забором, началась стрельба, потом выстрелили пару раз в доме, были хорошо слышны крики.

– И что? – Посмотрел на меня Григорий.

– Если тварей было две, то они мертвы, а там теперь воюют с обратившимися.

– Так что, идем? Не справятся ведь.

– Пошли, – решительно ответил я.

Выйдя из ванной, заглянул к Никите – он сидел на кровати и хлопал глазенками.

– Никит, ты посиди в комнате и не выходи, пока не приду я или дядя Гриша, понял?

Он в ответ неуверенно кивнул, а я закрыл дверь и быстро пошел в свою комнату, где одел пояс с подсумками и открытой кобурой «макарова», в которую сунул револьвер, схватил дробовик и побежал вниз, где Иваныч уже обулся и ждал меня с ИЖом в руках и патронташем на поясе. Я тоже быстро обулся, одел ЧОПовский жилет, и мы побежали на помощь Илье, если он еще жив.

Сложно передать охвативший меня ужас, когда мы пробежали пару десятков метров по дороге... По ней, вероятно, на звук, шло не менее двух десятков мертвяков, и это только те, которых мы видели, благодаря освещению дома Ильи. Я включил фонарь и посветил нам за спину.

– Твою мать! Назад! Назад, Иваныч, во двор!

Снеся головы троим, что успели дойти до забора нашего дома, мы перемахнули через ворота, чтобы не тратить время на открывание и закрывание калитки. Я чуть наклонился, оперся зажатым в руках дробовиком о колени и тяжело дышал.

– Мля, хорошо, что курить лет десять назад бросил, – сказал Иваныч, тоже тяжело дыша, – мы их не спасем.

– Нет, – отрицательно помотал я головой, – не спасем, слишком много мертвяков. Пошли, проредим хоть их, за карабином сходи.

Мы с Иванычем пристроились на куче стройматериалов и методично, не торопясь, начали отстреливать мертвяков на дороге. Иваныч тех, что у дома Ильи, благо там светло и оптика позволяет, а я тех, кто перся мимо нас по дороге.

Марево над стволом «моссберга» уже не давало нормально целиться, когда я расстрелял не менее полусотни патронов, и, как говорится, помощь пришла в последний момент – из-за поворота сначала донесся шум дизеля, а потом показался омовский бронированный КамАЗ. Он остановился напротив нас, а из бойниц отстрелялись по оставшимся зомби, произведя зачистку территории у нашего дома. В кунге открылась дверь, и из нее в талое месиво спрыгнул человек – черная форма, бронежилет, каска и короткий автомат с коллиматорным прицелом.

– Ну, вы ё..., даете, мужики, устроили тут тир ё... чо, пустите, ё...

– Через ворота сигай, – махнул я ему рукой.

Омовец лихо перемахнул через ворота и взбежал на нашу импровизированную «крепостную стену».

– Чо у вас тут?

– Командир, хрен с ним, что у нас, вон там... – показал я рукой, – там, возможно, еще есть, кого спасти. А мертвяков больше, чем дофига.

– Понял, ё..., – ответил он, и, вынув из подсумка рацию, сказал, – Мохнатый, дом на двенадцать часов, освещенный, зачистка и эвакуация.

– Принял, – сухо ответили ему и КамАЗ, рыкнув дизелем, поехал вперед.

Бой, точнее, отстрел мертвяков, продолжался минут двадцать, а когда все стихло, у омовца вновь зашуршала рацция, и последовал доклад:

– Зачистили, один... Точнее, одна, живая, чистая, второй укушен, но пока человек... перевязали.

Омовец вопросительно на нас посмотрел.

– Ну, сюда пускай везут обоих... А укушенный как умрет... застрелим.

– Сюда обоих, – передал наши пожелания омовец.

– Принято, – проговорили ему в ответ...

Николай – так представился командир ОМОНа, вернее, собственно самих бойцов ОМОНа было всего трое, он и еще двое его подчиненных, а остальные представляли собой сборную солянку из оперативников и пэпээсников города.

– Мы здесь недалеко забазировались, – говорил он, присев в беседке во дворе, – у ракетчиков, прямо за Ростошами.

– На КП ракетной армии, что ли? – уточнил Григорий.

– Да у них ё... личный состав, семьи всех тех, кто не разбежался, не бродит мертвым и не хочет быть один в том дерьме, что происходит вокруг. Территория большая, ангары, убежища, склады. В соседях фээсбэшники из погрануправления областного, но они особняком, мутные какие-то, ё...

К воротам подъехал КамАЗ, посигналили.

– Я открою, пусть заезжают, – сказал я, спрыгнув с кучи пиломатериала, – Иваныч, отгони дальше машину.

Сняв декоративную пластиковую оградку газона перед домом, КамАЗ остановился, двигатель стих, и из кунга посыпались бойцы.

– Щерба, ё...! Периметр под охрану, остальные перекур!

– Есть, – ответил кто-то со стороны бойцов, – а этих куда?

Я махнул рукой, и двое бойцов повели к нам «крепыша» с перебинтованной головой и «снегурочку» то ли в пижаме, то ли в спортивном костюме какой-то немыслимой расцветки и рисунком, ну, и та самая шубка сверху.

– Иваныч, отведи ее в дом, – сказал я, потом посмотрел на «крепыша», и, кивнув на беседку, сказал, – идем.

Я, Миша-«крепыш» и Николай сели в беседке вокруг железного мангала с какими-то коваными выкрутасами.

– Вот и улетели, мля, – грустно сказал Миша, потом достал из подсумка наручники и приковал себя к мангалу, – на всякий случай...

– Правильно, – одобряюще кивнул Николай, а потом, погрузнев, сказал мне, – ты это уж сам.

– Хорошо, – кивнул я.

– Ладно, – хлопнул по коленям Николай и натянул «сферу», – поедem мы... А вам не стоит тут сидеть, либо уезжайте куда, не знаю, «на деревню к бабушке» там, или к нам за периметр, у нас гражданские есть, а вы вроде еще и пострелять горазды, ё.... Так что дело вам найдется. Если ре-

шитесь, приезжайте... Там только еще все организуется, но безопасно и пожрать есть.

– А на выезде из города, на КПП ГАИ кто?

– Наши там... Если остановят, не дергайтесь, ё..., не бузите, просто досмотрят на предмет укушенных, и все.

– Понятно.

Николай скомандовал всем грузиться, и, пожав нам с Мишой руки, пошел к машине. Я дождался, когда тяжелая машина вырулит задним ходом со двора и закрыл ворота. По дороге к беседке посмотрел в окно гостиной, где Иваныч работал жилеткой – дочь покойного Ильи, сидя на диване с кружкой в руках, что-то ему рассказывала, а он участливо кивал и что-то отвечал.

– На, патрон в стволе, – Миша достал из кобуры ПМ и протянул мне, – а есть водка?

– Сейчас принесу, – ответил я, взял пистолет и сунул его в карман.

Сходил в дом, и, вернувшись с бутылкой недопитой перцовки, сел с другой стороны мангала, напротив уже тяжело дышащего Михаила.

– Ты, главное, вали меня сразу, как очнусь мертвяком, – сказал Миша, после того, как в несколько больших глотков допил бутылку и занюхал рукавом.

– Хорошо, – ответил я, а у самого просто сердце разрывалось, глядя на него, – Ничего не хо...

– Нет, – резко ответил он, – просто посиди тут, чувствую,

скоро... Голова кружится, и ног не чувствую...

Я кивнул... Текли минуты, открылась дверь дома, Иваныч с «вепрем» в руках подошел и сел рядом.

– Уснула, – скала он, – залил в неё грамм сто коньяка.

– Вы это, – Миша чуть пододвинулся к мангалу и опустил на руки голову, бубня в землю, но расслышать было можно, – по хозяйскому дому пройдитесь, там и стволы, и запасы кое какие... Ребята из ОМОНа ничего не брали вроде... И «форд» наш опять же, он легкобронированный, вместительный, ключи у меня... Сваливайте отсюда...

Ещё несколько коротких вдохов, и Миша замер. Его тело чуть наклонилось в сторону, но прикованная рука удержала его от падения. Мы с Иванычем непроизвольно встали с лавки.

– Мля... – Иваныч практически выпрыгнул из беседки, когда, спустя пару минут, на нас уставились глаза народившейся нежити, и опустил предохранитель на «вепре».

– Подожди, – я тоже поторопился выйти из беседки и достал пистолет.

То, что было еще несколько минут назад Михаилом, попыталось встать, медленно, неуклюже и издавая невнятное мычание... Страшно, страшно вот так смотреть, даже когда совместил мушку и целик у него на лбу...

Пах! И тяжелое тело, дернув головой, рухнуло вниз.

– Прости, – сказал я и подошел ближе, чтобы убедиться, что все закончено.

– Надо уезжать, – сказал Григорий, повесив оружие на плечо.

– Согласен. Пойдем, подумаем, в дом к Илье сходим, когда рассветет.

Когда, стараясь не шуметь, вошли в гостиную, обнаружили следующую картину: Никита сидел в кресле напротив дивана со спящей «снегурочкой» и внимательно ее рассматривал.

– Завтракать будешь? – тихо наклонился я к нему.

Он в ответ кивнул.

– Тогда в ванную, одеваться и за стол.

Никита послушно встал и пошлепал босыми ногами наверх, еще пару раз обернувшись на диван, а я поставил на плиту чайник и принялся нарезать остатки сыра и колбасы на бутерброды.

– Иваныч, как думаешь, в город сможем прорваться?

– Не знаю теперь уже... Если они тут в поселке такими табунами шатаются, то что в городе твориться? А что там тебе?

– В охотничий же...

– А, так у этого Ильи, – Иваныч покосился на диван и чуть понизил голос, – в коттедже пошукаем... Сколько охраны было, человек восемь?

– Да, около десятка.

– Ну вот, думаю, разживемся стволами, а в город нет... Если только на танке, – хмыкнул Иваныч, – у тебя есть танк?

– Нет.

– Вот и забудь.

– А что думаешь про вояк на КП армии?

– Нет, – помотал головой Иваныч, – слишком близко от города, не жизнь, а сплошная полундра будет... Деревнями уходить будем, может, и найдем место, где пристроиться.

– А куда?

– В смысле?

– Ну, направление? Запад, восток?

– Это я тебя послать могу, по направлению, а тут думать надо...

– Тогда предлагаю найти ПВД¹, переждать, а там уже ясно будет, куда двигаться.

– Не возражаю, надо только связь нормальную найти... У водителей фур обычно неплохие станции стоят в машинах.

– На «форде» С.В.А.Т.-овском антенна внушительная стоит.

– А, ну вот, обязательно его сюда перегнать надо, – сказал Иваныч, выключив плиту и поставив чайник на керамическую подставку на столе, и добавил, – Миша сказал, что ключи у него вроде.

– Да...

– Я схожу.

Иваныч вышел, прихватив моего «моссберга», и вернулся спустя несколько минут, когда мы с Никитой уже жевали

---

¹ Пункт временной дислокации – прим. авт.

бутерброды и пили чай. Он сложил на тумбочке в коридоре черный разгрузочный жилет Михаила, разулся и прошел наверх, в ванную.

– Глова болит... – уселась на диване «снегурочка» в своей нелепой пижаме.

– Иваныч! – крикнул я наверх, подойдя к лестнице.

– А?

– Там в ванной комнате аптечка, принеси.

– Хорошо.

– Я там цитрамон вроде видел, – сказал я, и, кивнув на бутерброды на столе, сказал, – садись, ешь.

– Не хочу.

– Ешь! Через не хочу, садись и не выделяйся.

– Ты! Ты... – у «снегурочки» намокли глаза, – я же всех!

Всех потеряла!

– Он тоже всех потерял, – кивнул я на Никиту, – возьми себя в руки уже.

Никита перестал жевать, отложил бутерброд, подошел к «снегурочке» и, взяв ее за руку, потянул к столу. Она подчинилась, но остановилась и, шмыгнув носом, сказала:

– Мне в ванную надо сначала.

– Никит, проводишь?

– Он важно кивнул, и, не отпуская руки девушки, повел ее вверх по лестнице.

Завтракали молча, Никита не сводил глаз от хоть и зареванной, но чего уж там, красивой блондинки, к слову, кра-

шеной. Иваныч что-то себе думал, изучая восточный рисунок на заварном чайнике, а я смотрел на всех по очереди и думал, как и куда нам теперь такой компанией срываться.

– Спасибо, – допив чай, сказала «снегурочка», – мне надо в дом попасть... И у меня самолет через час.

– Самолет был у твоего отца, а там, куда он хотел лететь, поверь, ты не нужна... Ну разве что... – продолжая рассматривать чайник, сказал Иваныч, – Да и как ты поедешь через забитый мертвяками город?

– Вы меня не сопроводите? – искренне удивилась она, пропустив мимо ушей первую фразу Иваныча.

– С чего это? – ответил я.

– Эм... Ну, там же самолет...

– А куда он полетит?

– Я не знаю.

– А откуда он и чей?

– Я не знаю.

– И ты думаешь, что тебе надо на этот рейс?

– Я не знаю, – ответила она, как-то сникла, опустила голову и тихо начала плакать, подвывая и собираясь закатить истерику.

Я молча встал, набрал воды в две кружки, одну с размаху выплеснул ей в лицо, а вторую поставил ей.

– Выпей и успокойся.

Ошарашенная таким беспардонным обращением, она сразу перестала ныть и, вытирая лицо, сначала что-то попытаться

лась сказать, а потом взяла кружку и плеснула из нее на меня... Обстановку разрядил Никита: он, тыкая пальцем то в меня, то в «снегурочку», начал хохотать, впервые я услышал его смех, забавный такой, мультяшный.

— Ну что за детский сад — штаны на лямке? — покачал головой Иваныч, — Зовут-то тебя как?

— Лера, — слабо улыбнулась она, и, надергав из коробки на столе бумажных салфеток, часть из них протянула мне.

— Я Григорий Иваныч, можно просто Иваныч, это Никитка, а это... — вздохнул и пригладил усы Григорий, — Это Влад.

— И что же мне теперь делать? — спросила Лера, скомкав использованные салфетки.

— Для начала одеться... Мы собираемся посетить твой дом, можешь пойти с нами.

— Нет! — замотала она головой, — я не пойду туда! А! Там же в холле сумки и чемоданы. Мои два чемодана небольших там, белые такие, на колесиках... Там еще рисунок волной.

— Ясно, — ответил я, — только ты уверена, что все, что в чемоданах, тебе будет нужно? Там есть какая-нибудь спортивная или туристическая одежда, обувь?

— Зачем?

— Затем, что убежать от мертвяков проще в кедах, кроссовках или вон, в берцах, чем в туфлях на шпильке.

— А, в этом плане... Ну, в гардеробной в моей комнате осталась кое-какая спортивная одежда, на втором этаже рядом с амурами комната.

– Рядом с кем?

– Барельефы. Амуры на стенах с двух сторон от двери.

– А... понял.

– Рассвело, – кивнул Иваныч на окно.

– Ну что, сидите тут, за дверь ни шагу. Ясно?

Лера кивнула, а Никита схватил свой игрушечный автомат и уселся снова за стол. Иваныч одел Мишину разгрузку поверх толстовки, постучал по подсумкам и достал ПМ-овский магазин.

– На, на место приткни, – протянул я ему пистолет.

Иваныч взял пистолет, извлёк магазин, в котором оставалось два патрона, и вставил полный. Затем взял ИЖа, преломив стволы, проверил заряд и, удовлетворенно кивнув, сказал:

– Идем.

Вышли во двор, огляделись... Скачущих по крышам тварей вроде не видно, я взобрался на стройматериалы и посмотрел на улицу.

– Один, в стороне поворота на выезде из поселка.

– Пошли, – ответил Иваныч, – пока он добредет.

– Идем.

Вышли через калитку, и быстрым шагом направились к дому Ильи. На востоке всходило солнце, его свет уже заполнил все небо, и день обещал быть по-весеннему теплым. Озираясь и держа оружие наготове, дошли до ворот дома, миновав не менее чем четыре десятка уже успокоенных

мертвяков.

– Слушай, на половине из них спецовка какая-то... Таджики или узбеки, со стройки, что ли?

– Да, похоже, или жили тут у кого-то нелегально, – ответил я и толкнул дверь.

Слева, у гранитных вазонов с какими-то декоративными елочками лежала тварь, что придавила Михаила, и видно, успела куснуть или поцарапать.

– Идем, посмотрим, – сказал Иваныч, – интересно, что это за хрень такая, да и, как говориться, врага нужно знать в м-м... В морду.

Морда, конечно... Увидеть и обделаться. Перед нами лежало тело внешне вроде человека, но туловище непропорционально удлиненное, остатки одежды – в виде лохмотьев, развороченный выстрелом в упор череп, по форме напоминающий мяч для регби, с сохранившейся целой только верхней челюстью с изрядно измененными зубами. Больше всего меня потрясли клыки – сантиметров по пять.

– Насмотрелся? – спросил я Иваныча.

– Угу...

На участке обнаружили четырех охранников, сняли с них все, что не было повреждено после зачистки омовцами, и покидали в салон Форда. Прошли в дом, где в нос ударило запахом смерти и гнилья.

– Фу... как тогда у моей соседки, – сказал Иваныч, поморщившись.

– Пошли наверх, назад посматривай, вдруг кто притаился...

Поднялись на третий этаж, точнее, в большую и просторную мансарду, выполненную в виде студии – зона кабинета с библиотекой, небольшой бар, бильярд и, я бы сказал, зал для заседаний, то есть, овальный стол с десятком стульев. Богатая и полная безвкусица, присущая нашим нуворишам. Илья лежал у окна, был укушен за лицо и шею, а потом застрелен. Одет он был в какой-то камуфляж и даже с оперативной кобурой, которая была пуста, но пистолет нашелся недалеко – Иваныч подобрал у бильярдного стола ПМ.

– Теперь и тебе есть, – отдал он мне пистолет, держа его за ствол, так как корпус был весь в запекшейся крови, – отмыть только.

– Отмоем, на стол пока положи, – ответил я и подошел к покусанному охраннику, присел и начал расстегивать его разгрузочный жилет с магазинами от «вепря», а также снимать сам дробовик с его плеча.

Ставив небольшую велюровую накидку с маленького диванчика у бара, мы покидали все найденное в неё и спустились на второй этаж. Бросили тук у лестницы и пошли по коридору, на середине которого лежала какая-то женщина, прислуга, похоже... Глаза открыты и смотрят в потолок с мозаикой – зачищена, причем, судя по всему, тут, в коридоре, она и умерла от не менее чем пяти укусов за руки и лицо, а подняться не успела, ОМОН не дал.

– Похоже, это комната Валерии, – остановился я у барельефа античного бога любви и нажал кнопку выключателя.

Вошли... Я не знаю, какая обычно обстановка в комнатах у единственных и любимых дочерей олигархов, но тут все в каком-то офисном стиле.

– Гардеробная, наверное, – сказал Иваныч и потянулся к дверной ручке... – Ох ты ж, мля!

Иваныч отскочил от двери, в которую несильно толкнувшись, и мы слышали уже знакомый и щекочущий нервы то ли писк, то ли шипение.

– Видно, укусили кого-то, а он тут спрятался, умер и обратился, – сказал я.

– И что? Доделаем то, что ОМОН не доделал или ну его, пусть там и сидит?

– Надо как-то в гардеробную попасть, – сказал я, отошел на пару метров от двери и вскинул «моссберг», – открывай.

Дверь открывалась вовнутрь, Иваныч, шибанув по ней тяжелым ботинком, отскочил назад. Ударенный дверью мертвяк упал рядом с полкой с обувью, но шустро поднялся и пошел на меня, вытянув перевязанную и окровавленную руку. Я чуть попятился назад и вправо и выстрелил... Ударило по ушам и мертвяк – один из бывших охранников – рухнул на пол.

– Бляха, что ж так громко-то, – потер ухо Иваныч.

– Угу, – ответил я, тоже не хило так оглушенный и, сняв с пояса мертвяка длинный фонарь, который, похоже, являлся

еще и электрошокером, включил его и посветил внутрь. Нашел выключатель и зажег свет.

Больше живых мертвяков в доме не обнаружили, лишь из окон заметили троих шатающихся у ворот, которые, вероятно, идут на шум. Покидали в достаточно вместительный Форд все собранное имущество ЧОПовцев, также прихватили кое-что с кухни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.